

Н.К.Рерих как мыслитель и историк культуры¹

Творчество Рериха: искусство или наука?

Творчество и личность Николая Константиновича Рериха (1874–1947) имеют мировое значение. Рериха по энциклопедичности знаний, разносторонности таланта часто сравнивают с титанами эпохи Возрождения. Рерих был личностью уникальной, полностью не осмысленной ни современниками, ни потомками. Великий художник, крупный ученый, оригинальный мыслитель, неустанный путешественник и планетарного масштаба общественный деятель, он обладал внутренним синтезом знаний и творчества, обусловливавшим целостный подход к разным областям научной и художественной деятельности. Такой синтез создает условия, при которых любая сфера деятельности Рериха не только тесно связана с другими, но и находится в процессе взаимопроникновения, в неотрывной взаимосвязи. Рерих был блестящим историком, причем его исторические предвидения нередко имели пророческий характер. Рерих был крупным археологом и этнографом. Наука и искусство в пределах синтетического пространства внутреннего мира Рериха тесно взаимодействовали, проникая друг в друга и составляя единое целое.

Подходы Рериха к науке и искусству формировались теми качествами, которых не было даже у самых талантливых его коллег. Этим и объясняется его уникальность как историка. И в научные труды, и в художественное творчество Рерих вносил нечто такое, что одухотворяло то и другое и значительно повышало познавательный уровень художественного творчества и эстетику научных исследований. Творчество Рериха было синтезом науки и метанауки, действовавшей в течение многих веков в духовном пространстве человека. Вдохнуть жизнь в прошлое – это дано только истинному мастеру. Рерих сумел ухватить и передать то, что мы называем духом Времени.

Взаимодействие Времени и Культуры придавало полотнам Рериха уникальное качество: на них научное знание и искусство сливались

---

¹ Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 128–165.

так, что граница их стала неразличима – одно переходило в другое. Что такое творчество Рериха, искусство или наука? Это наука, ставшая искусством, и искусство, перешедшее в науку.

Археология играла важную роль в создании Рерихом удивительно-го исторического настроения. «Щемящее приятное чувство, – писал Рерих, – первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщить с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридешатое царство; шире и богаче разворачиваются чудесные картины. Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь»¹.

Рерих всегда был точен: его «седой вековой туман» – это не метафора, а реальность, проявившаяся в создании исторического настроения. Один из крупнейших археологов России академик А.П.Окладников назвал это его состояние «археологическими грезами». А.П.Окладников имел в виду особенность творческого процесса Рериха как археолога и историка и высоко ценил эти «археологические грезы», считая рериховские картины ценным историческим источником. Картины Рериха несли в себе тайну. Она возникала из «седого векового тумана» и входила в образы, запечатленные на полотне. Картина Рериха, подобно культурному слою в археологии, требует, во-первых, соответствующих знаний, а во-вторых, склонности к размышлению. Для анализа исторического источника требуется выполнить те же условия.

Археолог и художник

Н.К.Рерих родился в 1874 году в семье известного петербургского нотариуса. После окончания гимназии он поступил, по настоянию отца, на юридический факультет Петербургского университета и по собственному стремлению в Академию художеств. Дипломная картина «Гонец. «Восста род на род»» сделала его известным художником и была взята П.М.Третьяковым в галерею. В 1901 году Рерих женился на Елене Ивановне Шапошниковой, которая стала его другом, единомышленником и поддержкой на всю жизнь. В 1902 году в семье Рерихов появился на свет старший сын Юрий, будущий известный востоковед, а в 1904 году родился Святослав, ставший крупным художником.

Николай Константинович с раннего детства вошел в тот круг интересов, который стал его судьбой. Интересы эти были связаны с историей и археологией, Востоком, особенно Индией и, конечно, с худо-

---

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. М., 1914. Кн. 1. С. 14.

жеством. Рисовать он начал очень рано. Говорят, что люди делятся на две части. Одни появляются на свет просто для жизни, другие для призвания. Рерих принадлежал к последним. Объяснить, что такое призвание, не просто. Явление это очень сложное, с таинственными процессами внутренней жизни человека. Можно, например, сказать, что призвание – реализация того, что заложено в человеке. В Рерихе было заложено очень много. Он пришел в этот мир с огромным богатством, которое сумел приумножить и принести в дар человечеству.

Древние курганы были разбросаны среди полей и лесов, окружавших имение Рерихов под Петербургом. Первые раскопки Николай провел здесь в девятилетнем возрасте. Имение называлось Извара. На первый взгляд оно не отличалось от других небольших имений, которых было немало в окрестностях большого города. Но это только на первый взгляд. Время и здесь расставило свои знаки. Уловить закономерности их появления трудно. Дом в Изваре был одноэтажным и добротным. Фасад и углы украшали готические башенки. Знак с тремя кругами, который можно увидеть в розе готических соборов средневековой Европы, дважды повторялся на стенах дома. Знак этот иногда означает пророка. Дом был старинный и принадлежал не одному владельцу. Нотариус К.Ф.Рерих, отец Николая, купил его у поручика лейб-гвардии Преображенского полка Веймарна. К готическим знакам дома поручик не имел никакого отношения. Он ничего не знал также и о картине, которая висела в одной из комнат дома. На ней была изображена снежная гора. Картина – скорее не гора, а целый хребет – неотвратимо притягивала мальчика. Он подолгу рассматривал причудливые изломы склонов и неприступные снежные пики. Потом, через много лет, он узнает ее имя – Канченджанга. Она встанет на его Пути без рамы, без осевшей на ней пыли, во всем богатстве удивительных красок. Рерих будет рисовать ее много и упоенно. С разных точек, в разное время года, в разные часы дня. Он будет жить невдалеке от нее и видеть из окна дома. Этот дом будет стоять в Индии. Тогда же он еще ничего не знал о ней. Но она уже звучала в названии имения – Извара. Слово на древнем, теперь уже мертвом языке этой страны. «Исвара», «Ишвара» – бог, владыка. Об этом ему много позже скажет великий и мудрый поэт Индии Рабиндранат Тагор. Но Индия жила не только в названии Извара. Дом был построен в екатерининское время и принадлежал графу Воронцову, который, как говорили, побывал в Индии. И к тому же по соседству с Изварой когда-то жил индийский раджа. Потом Индия встанет на Пути Рериха и придаст этому Пути цельность и непреклонную устремленность. В гимназии К.И.Мая, где учился Николай, он с интересом и прилежанием чертил и раскрашивал карты азиатского материка. Гималаи, Гоби, Куньлунь, Алтай. Горы и пустыни Азии неодолимо влекли его.

Они таили в себе многие еще не разведанные тайны. Он внимательно слушал рассказы востоковедов, бывавших в доме Рерихов. Имена Пржевальского, Козлова, Потанина обладали для гимназиста Рериха удивительной притягательностью. Он читал их книги, всматривался в портреты. Ему хотелось быть похожим на них, но он понимал, что сделать это очень трудно. Выдающиеся русские путешественники вели караваны через пески и верхом на низкорослых азиатских лошадях преодолевали горные перевалы. Случится ли такое когда-нибудь в его жизни? Иногда возникала уверенность, что – да, случится.

Прикосновение к реликвиям дальних веков стало для Рериха непередаваемым и неожиданным. Археология прошла через всю его жизнь: раскопки на севере России, в Новгороде, в Европе, в Тибете, в индийских Гималаях. С годами Рерих сформируется как крупнейший историк и археолог.

К археологии, истории, Востоку, путешествиям, живописи Рерих не только тянулся интуитивно, но и размышлял об этом неодолимым влечением, пытаясь найти в нем закономерности. Много лет спустя Рерих написал: «Во всех проявлениях жизни, а в особенности в художественных импульсах, часто приходится встречаться с начальной случайностью. Конечно, эти «случайности» часто оказываются далеко не случайными. Человек зазвучал именно на то, а не на другое, и в этом, может быть, выразились его спящие накопления. Пришла весна, и естественно распустились почки, долго спавшие в зимних холодах. Началось новое творчество!»¹ Николай Константинович употребил очень точное выражение – «человек зазвучал». Так и он сам в свое время «зазвучал» на то, что потом стало делом его жизни, и, в отличие от многих, очень рано. Возможно, в этом раннем открытии себя и сказалась необычная его одаренность, его удивительная талантливость.

Диапазон археологических исследований Рериха был весьма широк и во времени, и в пространстве. Во времени они включали в себя эпохи начиная с каменного века и завершались Средневековьем. В пространстве они захватывали Россию, ее европейскую и азиатскую части, Европу, Индию, Центральную Азию, частично Америку. Очень редко даже самые выдающиеся археологи могли поднять научно такой исторический груз и по времени, и по пространству. Рериху это удалось. Этому способствовали его удивительная трудоспособность и мощный талант, проявившийся во многих областях творчества, а также редкое сочетание или, скорее, синтез науки и искусства, археологии и художества.

Н.К.Рерих начал профессионально заниматься археологией, будучи студентом Петербургского университета. Эти занятия были столь

---

¹ Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1975. С. 96.

успешными, что тогда же он становится пожизненным членом Императорского русского археологического общества. Рерих принимал активное участие в раскопках, делал доклады, писал подробные отчеты о научной работе. Отчеты сопровождал великолепными и точными рисунками, которые были лучше любой фотографии. Ему удалось собрать богатейшие коллекции археологических реликвий. В своих раскопках он шел к истокам культуры человечества, к каменному веку, который поразил его не только таинственностью, но и удивительным сходством предметов, найденных им, с теми, что обнаружены на древнейших стоянках на огромных территориях, куда можно включить Францию, Бельгию, Италию, США, Монголию, Китай, Венгрию, Швейцарию, Египет, Сибирь. «Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной, – писал Рерих, – всюду не забывались и каменные изделия и привозились к их далеким собратьям»¹. Каменные орудия и каменные изделия, найденные на различных территориях, отстоящих друг от друга на больших расстояниях, практически повторяли друг друга. Находки в России и странах Европы, отмечал он, «представляют поразительное сходство с нашими находками; материал, величина, точнейшая форма, характерная обделка (сверление и штриховка), так называемые пуговицы и двойные пуговицы – все говорит не только об общем происхождении, но как бы об одних руках, обточивших эти вещи. Такое же сходство и в каменных орудиях, найденных вместе, – скрепки, острия и стрелки с вогнутым насадом»². Говоря о тайне, «окружающей следы каменного века», Рерих не брал за основу предметы только материальной культуры, а стремился проникнуть в суть красоты созданного, в мышление человека каменного века и в его чувства, ибо хотел, и это ему удалось, представить культуру каменного века во всей ее глубине и объемности. Он просматривал в ней удивительное своеобразие и изначальность корней общечеловеческой более поздней культуры. Он был первым ученым, который не согласился с бытовавшим тогда представлением о дикости и примитивности людей каменного века. Ведя раскопки этой еще мало изученной эпохи, Рерих ощутил не только красоту материальной культуры каменного века, в частности неолита, но и особенности его духовной жизни, которая, по его мнению, находилась на достаточно высоком уровне. «Понимать каменный век как дикую некультурность будет ошибкой неосведомленности»³, – писал он.

---

¹ Рерих Н.К. Листы дневника. М., 1995. Т. 1. С. 155.

² Цит. по: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Н.К.Рерих – археолог. Новосибирск, 2002. С. 21.

³ Рерих Н.К. Глаз добрый. М., 1991. С. 103.

За кремневыми скребками, наконечниками стрел, ручными рубилами Рерих видел людей из далекого прошлого и чувствовал творческий дух давно ушедшего времени. «При всей кажущейся дикости, – отмечал он, – древний человек, с неменьшей пытливостью, нежели мыслящий человек нашего времени, стоит перед лицом природы и божества, употребляя все усилия своего гения на уяснение векового смысла жизни. Радость жизни разлита в свободном каменном веке. На каменных скрижалях написало человечество первые слова, слова общечеловеческие»¹.

Исследовать каменный век Рерих начал в 1902 году с раскопок курганов под Новгородом, затем раскопки охватили Петербургскую и Тверскую губернии. Особенно большой материал по неолиту он нашел у озера Пирос. Здесь он обнаружил антропоморфные фигурки, сделанные из кремня. Это было настоящим открытием для археологов, а для Рериха – еще и доказательством зарождения в человеке каменного века эстетического чувства и образного художественного мышления. Эти фигурки смог разглядеть только глаз художника, обладавшего высокодуховной организацией. Историк В.Е.Ларичев писал по этому поводу: «Не стоит поэтому удивляться, что Н.К.Рерих, оценивал часто находки каменного века проникновеннее, точнее и глубже, чем иной современный профессионал, уныло разглядывающий “артефакты” через призму процентных соотношений типов орудий. Он первый сумел увидеть среди оббитых камней, найденных при раскопках на берегу озера Пирос, “человекообразные фигурки”, подобия которых и теперь для иного заикленного на типологиях “артефактиста” не более чем знак необузданного воображения субъекта, случайного в науке. Выявить столь экзотические скульптуры в груде «производственного мусора» и по достоинству оценить их мог лишь человек истинно творческого мышления, лишенный профессиональных предубеждений, щедро наделенный даром художественного воображения»². Кроме дара художественного воображения, Рерих был наделен и даром восстанавливать по «артефактам» уже ушедшую в небытие древнюю жизнь во всем ее материальном и духовном богатстве. Ученый сумел проследить по янтарным изделиям каменного века направления миграций населения. Один из главных маршрутов этих передвижений вел на север, к берегам Балтийского моря, столь богатым янтарем. Это были торговые пути, доходившие до Северного моря.

Древняя жизнь возникала из-под земли в виде истлевших клочков, как бы снова восстанавливалась, коснувшись таинственного внутреннего мира ученого и художника. Восстанавливалась в полном богатстве

---

¹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 282–283.

² Цит. по: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Указ. соч. С. 7.

ее материи и духа. Описание Рерихом погребальной церемонии создает полное впечатление реальной картины, выхваченной из истории Древней Руси. Очерк, в котором содержится это удивительное описание, называется «На кургане». В нем богатейшее воображение художника тесно взаимодействует с точностью его научных знаний.

«На носилках посажен покойник, в лучшем наряде; тело подперто тесинами. В такт мерному шагу степенно кивает его суровая голова и вздрагивают сложенные руки. Вслед за телом несут и везут плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воют. Почтить умершего – разоделись они; много чего на себя понавешали. На головах кокошником венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, каптури, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги, – таким обручем и уши прорвешь. Гривны на шее; иная щеголиха не то что одну либо две-три гривны зараз оденет: и витые, и пластинные; медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их немало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов: синяя, зеленая, лиловая и желтая; янтарные, хрустальные, медные пронизки всяких сортов и манеров – и не перечесать все веденецкие изделия. Еще есть красивые подвески для ожерелий – лунницы рогатые и завозные крестики из Царьграда и от заката. На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек: вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого, епископа Бруно. Подвески-собачки, знакомые чуди, ливам и курам; кошки – страшные, с разинутой пастью, излюбленные уточки, вѣдомые многим русским славянам. У девок ниже пояса на ремешках спускаются эти замысловатые знаки, звенят и гремят на ходу привешенными колокольчиками и бубенчиками; священный значок хранит девку. На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие, с затейливым узором. Подолы рубах, а может быть, и ворот обшиты позументиком или украшены вышивкой. У некоторых женщин накинута кафтанчик, на манер шушуна, но покорооче.

Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посредине его посажен покойник; голова бессильно ушла в плечи, руки сложены на ноги. Сбоку копьё и горшок с кашей. Смолистые плахи все выше и выше обхватывают мертвеца, их заправляют прутняком и берестой – костер выходит на славу. Есть где разгуляться огню! Зазмеился он мелкими струйками, повеяло дымом. Будто блеснуло из полузакрытых век, в последний раз осветилось строгое, пожелтевшее лицо... Вдруг щелкнуло. Охнул костер, столбом взлетели искры, потянулись клубы бурого дыма»¹.

---

¹ Рерих Н.К. Глаз добрый. С. 24–26.

Это фрагмент из сделанного Рерихом описания, настолько реального, что возникает чувство присутствия. Подобная археолого-историческая реконструкция не была свойственна ни археологам, ни «традиционным» историкам. Рерих во многих направлениях археологии и истории оказывался первым, а его исследования нередко имели характер открытий. Он первым начал археологически исследовать древний Новгород. Он предвидел, какие неожиданные открытия, связанные с историей Древней Руси, дадут новгородские раскопки.

«Благодаря необыкновенному “чувству истории” Рерих, как своими открытиями, так и догадками, предвосхитил ряд достижений советских археологов, работавших в Новгороде», в результате чего Новгород «стал одним из величайших археологических открытий XX века»¹.

Он прокладывал новые пути в археологических раскопках и исследованиях. Интересный и важный археологический материал был получен им на Псковщине, в районах, примыкавших к Финляндии. Он обнаружил теснейшее взаимодействие древнеславянских племен со Скандинавией, Прибалтикой, финскими областями. Он дал в своих отчетах, докладах, записях важнейшие указания на исторические миграции древних племен, на их традиции и обычаи. Справедливо считал этнографию наукой, дополняющей археологию, и, используя ее накопления, объяснил немало темных мест в археологии. Обе науки составляли прочный фундамент древней и средневековой истории, проблемами которых Рерих особенно интересовался. В 1903–1904 годах он совершил историко-археологическую экспедицию по древним русским городам, крепостям и к другим культурно-историческим памятникам. Маршрут его экспедиции прошел по значительной территории, включившей Ярославль, Суздаль, Ростов Великий, Изборск, Смоленск, Владимир, Боголюбово, Углич, Звенигород, Юрьев-Польской и другие города. Ученый не только составил по этим городам описания, но и создал большую и бесценную коллекцию художественных произведений, которые и до сих пор имеют большое историческое значение. Знакомясь с памятниками истории и культуры, записывая предания и легенды, беседуя с местными жителями, он собрал материал, который свидетельствовал о том, что на территории России сошлись Восток и Запад, что влияния того и другого образовали русскую синтетическую культуру. Именно во время посещения древних городов и имея за собой опыт археологических раскопок, он понял, какое грандиозное и многообразное зрелище представляет собой русская культура. Он искал ее первооснову, определял связи с мировой культурой и те узловые моменты, которые меняли, продвигали или задерживали ее развитие. Как истый

---

¹ Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П. Указ. соч. С. 43.

археолог, он поднимал в этой культуре слой за слоем. Но не разъединял эти слои, а исследовал их как одно целое, неделимое явление.

Рерих различал почерк скифов на каменной резьбе Владимира и Юрьева-Польского и видел тот особый «звериный стиль», который позже обнаружит на пряжках и пластинах Алтая и Тибета. В русской крестьянской одежде, в затейливых куполах православных церквей он улавливал элементы тех времен, когда Русь стонала под игом пришельцев с Востока. До татар Восток проникал в русскую культуру через Византию. Этот след поведет Рериха дальше, в глубь веков, и он обнаружит более ранние связи Руси с Востоком. Заподозрит, что, может быть, это не только связи, а общие истоки.

В своих размышлениях и сопоставлениях Рерих обратится к Северу, к местам, не тронутым монголо-татарским нашествием. От них потянется ниточка к Финляндии, а затем и ко всей Скандинавии. И когда в дымке прошлого растворятся и исчезнут варяжские ладьи, плывущие «из варяг в греки», он станет мыслить о чем-то более раннем, что опять повернет его к неведомым истокам. И в этой цепи размышлений и сравнений возникнут дальние несопоставимые, казалось бы, страны: Скандинавия и Индия. А среднерусская равнина и южнорусские привольные степи окажутся странным связующим звеном между ними.

Какие народы здесь проходили? Что мы о них знаем? Время вело все дальше, в такую глубину прошлого, о котором почти ничего не было известно. Время выносило только знаки этого прошлого, как выносит иногда бурный поток что-то скрытое в его бездонных глубинах. Знаки оседали фантастическими зверьками на стенах русских церквей, поднимались неизвестными забытыми курганами, возникали каменными загадочными кругами Финляндии и русского Севера. Отзывались в русском языке древним санскритом. Оттуда, из Финляндии, шло эхо каких-то исчезнувших народов, туда вел след к чему-то очень древнему, давно ушедшему и забытому.

Возникали предположения, похожие на прозрения. Если Рерих был осторожен в окончательных выводах как ученый, то свободен и раскован как художник. Истина должна была возникнуть на сопряжении этих двух граней его творчества. Несколько лет спустя он напишет об этом: «В таинственной паутине веков бронзы и меди опасно разбираемся мы, каждый день приносит новые выводы; каждое приближение к этой груди дает новую букву жизни! Перед глазами еще сверкает Византия золотом и изумрудом тканей, эмалей, но внимание уже отвлечено. Мимо нас проходят пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их!»¹

---

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. С. 132.

Во всем этом многообразии форм древней жизни, в бесчисленности прошедших через Время народов Рерих интуитивно предвидел культурное единство, сводящееся к общему истоку. Потом в самых разных местах планеты он будет искать факты, подтверждающие единство и общность культур. Но уже тогда перед ним со всей очевидностью возникла проблема: если единство существовало в прошлом, значит, это возможно и в будущем? В чем же состояла основа этого единства? И какой она может стать для будущего? Сможет ли то прошлое единство, преодолев разъединенность настоящего, вылиться, следуя законам эволюции, в более высокое единство будущего? Для этого и нужно окунуться в прошлое. Изучение этого прошлого было необходимым и насущным. «...Человеку, – однажды написал Рерих, – не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем»¹. В этих словах заключалось то, что впоследствии станет его концепцией исторического процесса.

Рерих знакомился с источниками самого разного рода. Готовясь к раскопкам, он глубоко вникал в архивные материалы, летописи, писцовые книги, а также просматривал отчеты и доклады археологов, до него исследовавших определенные археологические места. Он обращался не только к этнографии населения, обитающего в пространстве раскопок, но широко использовал как традиционный фольклор, так и местные легенды и предания. Подходя крайне осторожно к выводам по поводу археологического материала, он внес немало нового в его датировку, что облегчало помещать данные материалы в реальную историческую обстановку. Все это давало ему возможность восстанавливать древнюю жизнь во всем ее богатстве и разнообразии. Он провел большую работу по классификации курганов, что помогло систематизировать более точно археологические находки. В одной из записей Рериха мы читаем: «С полета, всматриваясь в общую массу курганов, изучая местоположение, сравнивая их внешность, – видно, что они не могут относиться к одному периоду. То огромными полями сплошь они унижают 10–20 десятин, то небольшими группами или же одиноко маячат на пашне; иной раз представляют они свежие, крепкие, точно вчера сложенные конусы с высокой вершиной и ясной правильной булыжной обкладкой в основании, иной же раз вершина оказывается глубоко осевшею или вся насыпь является заплывшим, полушаровидным, даже неправильным возвышением... Эта разница во внешнем виде обуславливает различие и в погребальных обычаях и находках, разделяя <...> все курганы настоящей местности на две группы, относя первую к XI и XII вв. и вторую к XIII и XIV»².

---

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. С. 132.

² Цит. по: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П. Указ. соч. С. 27.

Классификация курганов, сделанная Рерихом, прочно вошла в археологическую науку. Актуальность археологических исследований Рериха сохраняется до сих пор. Академик А.П.Окладников писал: «В историю русской археологической науки прочно вошли полевые работы Н.К.Рериха по исследованию новгородских древностей, раскопки «жальников». Его в равной мере интересовали древнерусские памятники и финно-угорские древности. На уровне археологической техники того времени его раскопки представляли *передовое достижение*. И как археолога Н.К.Рериха по праву нужно числить в ряду крупных исследователей русской археологической науки»¹.

В.Е.Ларичев, один из ближайших сотрудников академика А.П.Окладникова, отмечал: «Мне же, для кого древнекаменный век и художественное творчество ледниковой эпохи дороже всего в археологии, Н.К.Рерих гораздо ближе по своим представлениям любого из моих современников, занимающихся изучением каменного века и объектов его искусства. Несравненно ближе он мне по душевному настрою, по чувственным восприятиям, по мыслям, духу и устремлениям. Для меня Н.К.Рерих – не “навсегда отошедшее в прошлое” или “архивный раритет”, а истинный мой современник, в размышлениях коего я черпаю вдохновение. Для меня он – живой собеседник, у которого я мысленно нахожу понимание и сердечный отклик <...> Счастлив тот ученый, литератор, мыслитель или художник, чьи творения своим влиянием и действенностью выходят далеко за рамки времени, отведенные роком для его земного бытия. Это вневременное, одинаково мощное воздействие на людей разных эпох сильной творческой личности есть яркий показатель глубины постижения ею мира Природы и Человека. Появление деятеля науки и культуры такого масштаба, властителя и выразителя дум, – всегда событие знаковое»². Определение Рериха как знаковой фигуры нашей эпохи вполне справедливое и честное.

Рерих собрал огромную коллекцию находок каменного века, 100 тысяч различных предметов из кремня, янтаря, полудрагоценных камней. Известность его как археолога росла от года к году и нашла широкий отклик в научных кругах за рубежом. Его опубликованные археологические работы получили высокую оценку зарубежных коллег, которые стали искать научные контакты с ним, интересовались его раскопками стоянок каменного века, стремились увидеть его уникальную археологическую коллекцию. Коллекция Рериха была представлена во Франции на историческом конгрессе в 1905 году. Это была первая коллекция, привезенная из России на зарубежный конгресс. Коллекция была уникаль-

---

¹ Цит. по: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П. Указ. соч. С. 11.

² Там же. С. 5–6.

ной и вызвала настоящую сенсацию среди ученых-историков различных стран. Один из крупных исследователей каменного века французский ученый Е.Картальяк писал о выставке Рериха: «В ней представлены кремневые орудия самых различных форм и редкостного совершенства; многие отмечают, что они напоминают образцы из долины Нила, некоторые предметы выполнены в форме силуэтов животных. Имеется также очень оригинальная подвеска и гончарные изделия эпохи неолита с любопытными орнаментами в виде отпечатков»¹. Русская археология была представлена впервые на международном конгрессе именно Рерихом. Позже эти связи укрепятся и разрастутся. Потом пройдут по всему миру выставки его картин, которые поразят посетителей исторической реальностью и достоверностью. Когда наука оказывалась в чем-то бессильной, Рерих прибегал, не сомневаясь и не колеблясь, к познавательному свойству художества, что всегда приносило плодотворный результат. «Научные постройки в пределах древнего камня опасны. Здесь возможны только наблюдения художественные <...> За этими наблюдениями очередь. Будущее даст только новые доказательства»².

Теория исторической живописи

Рерих всегда обращал внимание на искусство изучаемой эпохи, ибо в этой области находилось духовное творчество древнего человека, говорившее так много такому ученому, каким был Рерих. Особенности творчества прошлого, несомненно, помогали Рериху-художнику каким-то только ему ведомым образом переносить это прошлое на собственные картины и делать их исторически убедительными.

«...Воскресает забытая жизнь, – писал искусствовед Сергей Маковский о полотнах Рериха, – древней земли: каменный век, кровавые тризны, обряды далекого язычества, сумраки жутко-таинственных волхвований; времена норманнских набегов; удельная и московская Русь»³.

Рерих создал уникальную коллекцию картин, повествующих о древней жизни во всем богатстве ушедшей в небытие ее культуры. «Картина лишь тогда может произвести полное впечатление, если в ней удачно будут разрешены три задачи: художественного эффекта (настроения), задача общепсихологическая и специально-историческая задача <...> Только гармоничное соответствие этих трех требований произведе-

---

¹ Цит. по: Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Указ. соч. С. 5–6.

² Рерих Н.К. Глаз добрый. С. 104.

³ Маковский С. Поэзия ранних замыслов // Держава Рериха. М.: Изобразительное искусство. 1994. С. 39–40.

дет впечатление и вызовет желательную эстетическую эмоцию», – подчеркивал Рерих¹. Теория исторической живописи, которую выстроил Рерих, относится не только к искусству, но и к истории как научному предмету. Картины, написанные им в начале XX века, – «Заморские гости», «Город строят», «Поморяне», «Борис и Глеб», «Чудь подземная» и другие – являются блестящим примером реализации поставленных Рерихом перед исторической живописью задач. Он настаивал на том, чтобы смотрящий картину с историческим сюжетом смог окунуться в прошлую жизнь, не выдуманную художником, не нафантазированную им, а вполне реальную. Реальность художественного изображения основывалась на научных знаниях художника. Он считал, что археолог или историк должны быть художниками и только тогда их научный труд может получить впечатляющую форму и убедительность реальности. Картины «Каменный век» (1904), «Север» (1904), «Задумывают одежду» (1908), «Колдуны» (1905), «Идолы» (1901), «Гонец. «Восста род на род»» (1897), «Сходятся старцы» (1898) являлись не только произведениями высокого искусства, но и свидетельствами истории.

В этот же период у Рериха появились картины, отнести которые к упомянутому выше ряду нельзя. Их было три: «Сокровище Ангелов» (1905), «Владыки нездешние» (1907) и «Книга Голубиная» (1911). Эти картины послужили началом того, что сам автор называл «помимо историков» и что сыграло в его жизни как художника и историка важнейшую роль.

«Громадный камень, – писал С.Маковский о «Сокровище Ангелов», – черно-синий, с изумрудно-сапфирными блестками; одна грань смутно светится изображением распятия. Около, на страже, – ангел с опущенными темными крыльями. Правой рукой он держит копьё, левой – длинный щит. Рядом дерево с узорными ветвями, и на них – вещи сирины. Сзади – все выше и выше, в облаках, у зубчатых стен райского кремля, стоят другие ангелы, целые полки небесных сил. Недвижные, молчаливые, безликие, с копьями и длинными щитами в руках, они стоят и стерегут сокровище»².

Годы спустя этот мифический камень вновь возникнет в гималайском цикле Рериха. У камня окажутся загадочные связи, и легенда о нем зазвучит странными мотивами. Таинственный Грааль средневековой Европы, Артуровы рыцари Круглого стола, вагнеровский «Парсифаль». К опере «Парсифаль» у Рериха было какое-то личностное отношение. Один из его современников вспоминал: «Мне пришлось

---

¹ Рерих Н.К. Искусство и археология // Искусство и художественная промышленность. СПб., 1898. № 3. С. 190.

² Золотое руно. 1907. № 4. С. 5. – Коллекция документов Л.В.Шапошниковой.

видеть его (Рериха. – Л.Ш.) с группой друзей на «Парсифале», и мне показалось, что обычно спокойный художник казался несколько взволнованным»¹.

Годы спустя появится «Легенда о Камне». Ее соберет и опубликует Елена Ивановна Рерих, как всегда под псевдонимом. На картине «Владыки нездешние» мы видим своды высокого собора, чем-то похожие и непохожие на известные нам. В росписи стен какая-то неопределенность, незавершенность. На узорчатом полу стоят двенадцать человек. На них длинные черные одеяния. Перед тем как написать это полотно, Николай Константинович сделал эскиз. У каменной стены стоят двое, на них те же свободные, темные одежды. Но персонажи прорисованы более четко, более определенно. В руках одного из них посох. Кажется, что они приготовились выйти, но что-то задержало их на какое-то время у двери. На лицах раздумье, чуть смешанное с печалью. Они как будто слушают Время. Сейчас оно прозвенит сроком и странствием. Тяжелая кованая дверь захлопнется за ними, и нездешнее станет здешним.

Перед Первой мировой войной Рерих написал еще одну серию картин, смысл которых стал ясен лишь после того, как началась война. Картины имели явно пророческий характер. Эта особенность, проявившаяся в Рерихе в начале века, затем проявлялась в его творчестве всю жизнь. Рерих написал эти картины между 1911 и 1914 годами. На пространстве, занимающем почти все полотно, идет «Небесный бой». Ветер гонит по небу темные грозовые тучи, которые сталкиваются с оранжево-красными облаками. Схлестываясь, тучи и облака превращаются в фантастические фигуры сражающихся и гибнущих воинов.

В багровых отсветах и дыму пожаров во все небо, неумолимо и неотвратимо, встал «Ангел Последний». Языки пламени поглощают стены городов, башни и соборы. Взгляд ангела суров и безжалостен. И еще картина, и опять ангел. Он неслышно подходит к воротам города. В руке пришедшего «Меч мужества». Но город спит.

Корабль со спущенными парусами приближается к неприступной крепостной стене. Его печальные мачты напоминают кладбищенские кресты, во всем его облике затаилось что-то тревожное, нехорошее. На желтеющее рассветное небо надвигаются черно-лиловые тучи. «Вестник».

Зарево пожара охватило все небо. Пламя трепещет в окнах вставшего темной громадой замка. Повержен геральдический лев. «Зарево». Аспидно-черное небо. Пустое и оглушающее. Дым поднимается от развалин, беспорядочной грудой уходящих к зловещему, утратившему свою реальность горизонту. Горизонт искривлен, так он виден только с боль-

---

¹ Бурлюк Д. Рерих. Нью-Йорк, б/г. С. 24.

шой высоты. На холме стоит группа в девять человек. На них старинные платья, на лицах горе и глубокое потрясение. «Дела человеческие».

Особое внимание привлекла картина «Короны». Три короля стоят на земле. Над ними в небе возникают три облачные короны, улетающие куда-то в даль. Смысл картины стал ясен несколько лет спустя, когда революции смели три великие монархии: Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов.

«Держава Рериха»

Писатель Леонид Андреев, оценивая художественное творчество Рериха, образно назвал его «Держава Рериха». «Да, он существует, этот прекрасный мир, – писал Андреев, – эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно съездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война – там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит – видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой: Рерих – не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем: он весь в *своем* мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются “Покорением Казани” или декорациями к норвежскому “Пер Гюнту”, – даже и там он, “владыка нездешний”, продолжает оставаться творцом нездешнего мира; такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт – Норвегию родную, прекраснейшую,

любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля – и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским “нездешним” берегам»¹.

Очерк завершается – не ошибусь, если скажу, – пророческими словами: «...не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой земли и наносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства»².

Процитированный фрагмент относится к первой Державе Рериха. Другую он сотворил позже, уже на иной, далекой земле. Но обе эти державы тесно соприкоснулись друг с другом, ибо первая в действительности была изначальной основой второй. Русский писатель, проникнув в глубь рериховского творчества и коснувшись внутреннего мира художника и ученого, открыл важнейшую особенность этого творчества, составившую главную мировоззренческую основу всех областей, какими бы Рерих ни занимался. Эту основу можно назвать «нездешностью» или «инобытием», отбрасывая которую, – а это происходило и происходит до сих пор, – нельзя постичь уникальность и духовную глубину одного из великих людей XX века, основателя нового космического мышления.

Помимо научной, художественной и общественной деятельности, Рерих занимал и административные посты, долгое время руководя Школой Общества поощрения художеств. В 1909 году он стал членом Российской Академии художеств, а в 1910 был избран председателем возобновленного «Мира искусства». Рерих активно участвует в выставках, много пишет, публикуется. Его известность растет. Однако Рериха преследует болезнь – легочная недостаточность. В 1916 году Николай Константинович вместе с семьей отправляется жить на Ладожское озеро в финский городок Сортавала. Воздух и климат тех мест благотворно действовали на его здоровье. В Финляндии, которая в то время входила в Российскую империю, семья Рериха встретила революции 1917 года – Февральскую и Октябрьскую. В 1918 году Финляндия объявила государственную независимость и закрыла границу с Россией. Так, не выезжая из России, Рерих оказался за границей. Кроме того, у него была еще одна, главная, причина временного невозвращения в Россию: ученый с давних пор стремился в Индию, которая манила его не только как «страна чудес», но и как область интереснейших исторических исследований.

---

¹ Держава Рериха. М., 1994. С. 97–98.

² Там же. С. 98.

Зов Индии

Рерих чувствовал непреодолимый и властный зов Индии: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа, и тишину рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабежом последних лет»¹.

В 1914 году Рерих написал удивительный по форме и содержанию очерк «Индийский путь», в котором рассказал о замечательной встрече с русским востоковедом В.В.Голубевым в Париже, в музее Чернусского, где в это время была выставка восточного искусства из частных коллекций. «Уже давно мечтали мы, – писал Рерих, – об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преюмственность нашего древнего быта и искусства от Индии. В интимных беседах часто устремлялись к колыбели народной, а нашего славянства в частности»². Голубев провёл несколько экспедиций в различные страны Востока и собирался в Индию. Его заинтересовала идея Рериха об общем древнем источнике славянской и индийской культуры.

«Теперь все догадки получали основу, все сказки становились былью. Обычаи, погребальные “холмы” с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи – все это было так близко нашим историкам. Во всем чувствовалось единство начального пути. Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительно изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрет многое, что нам так близко <...> К черным озерам ночью сходятся индийские женщины со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепашек. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают. Живет в Индии красота. Заманчив Великий Индийский путь», – писал Рерих³.

Но через некоторое время Голубев отвлекся от подготовки индийской экспедиции, затем началась Первая мировая война, и экспедиция не состоялась. И вот, наконец, у Рериха появилась возможность реализовать свою мечту.

---

¹ Цит. по: *Беликов П.Ф.* Николай Рерих и Индия // Сб.: Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. XIV. С. 215.

² *Рерих Н.К.* Глаз добрый. С. 177.

³ Там же. С. 178–179.

Индия стала на пути Рериха не просто событийной вехой, а культурно-историческим явлением. «Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, – отмечал Рерих, – живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли. Любой индус, от самого ученого до самого простого кули, будет рад побеседовать о предметах высоких. Даже за короткое время вы поймете, что поверх личного быта, поверх общественности и государственности для индуса будут самыми значительными высоко духовные предметы»¹.

Удивительная духовность Индии имела свои причины. Время в этой стране обладало своими особенностями. Бесследно исчезли с лица нашей планеты древние египтяне, шумеры, тольтеки... И лишь мертвые реликвии в сухой и выжженной земле напоминают о них. В Индии же память обо всех тех, кто когда-то прошел по ее древним дорогам, бьется горячей кровью в тех, кто живет теперь. Древнейшая культура Мохенджо-Даро и Хараппы, захороненная в покрытых скудной растительностью холмах долины Инда, продолжается в душах и обычаях тех, кто населяет современные города Индии. Ранняя заря каменного века австралоидных племен еще горит в фольклоре и танцах Южной Индии. Безупречно действовавший в течение веков и тысячелетий механизм культурной преемственности сформировал в «великом ритме» индийский культурный феномен. Индия, как и любая другая страна, подвергалась нашествиям, вторжениям и даже завоеваниям. Но в отличие от других она быстро ассимилировала культуру пришельцев, превращая ее в органическую часть уже сложившегося своего культурного комплекса. Эта загадочная способность не объяснена и не изучена.

В течение тысячелетий Индия ассимилировала иранцев и греков, парфян и бактрийцев, скифов и гуннов, тюрков и евреев. «...В прошлом, – писал Дж.Неру, – господствующей чертой развития индийской культуры и даже народностей было некое внутреннее тяготение к синтезу, вытекающее в основном из индийского философского мировоззрения. Каждое новое вторжение иноземных элементов было вызовом этой культуре, но ему успешно противостоял новый синтез и процесс поглощения. Это был также процесс омоложения, на почве которого выросли новые цветы культуры, хотя основа осталась в общем без изменений»². Неру связывал «тяготение к синтезу» с индийским философским мировоззрением. Возможно, в какой-то мере он прав, придавая философскому мировоззрению такое значение. Оно, без сомнения,

---

¹ Рерих Н.К. Врата в Будущее // Цит. по: Шапошникова Л.В. Мудрость веков. М., 1996. С. 43.

² Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 77.

составляло суть многовековой духовной традиции Индии, формировавшейся в русле ее культурной непрерывности. Сама духовная традиция, складывающаяся, казалось бы, из самых разных компонентов, таких, как философия и народные верования, различные религиозные системы и фольклор, а также многое другое, тем не менее представляет собой нечто целостно синтетическое, обладающее особенностями, лежащими «поверх» (по выражению Рериха) этого целостного явления. Эти особенности «поверх» дают нам возможность увидеть существенные «непреходящие» моменты самого явления и понять то, что Неру назвал «философским мировоззрением».

Концепция исторического процесса как диалектического единства прошлого, настоящего и будущего формировала индийскую духовную традицию. Не исключено, что именно эта концепция, действовавшая в течение многих веков, привела к тому, что в стране не существовало противостояния элитарной и народной культуры. Одни и те же идеи, одни и те же истины воспринимались и использовались различными слоями индийского общества в форме, соответствующей сознанию и образованности этих слоев. Богатая устная традиция играла при этом важнейшую роль.

Народ знакомился с философскими истинами через эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», через мифологию Пуран и заклипания Вед, через устные рассказы о жизни Будды. Однако ни жрецы в храмах, ни деревенские сказители не смогли бы сами по себе сформировать упомянутое Неру философское мировоззрение целого народа. Этим занимались другие. Я имею в виду древний институт духовного наставничества, сохранившийся в Индии до наших дней. Санскритское слово «гуру» (духовный учитель) со временем получило такое же распространение на планете, как и русское «спутник».

Гуру были разные: последователи ортодоксальных систем, самобытные философы, просто чуткие и мудрые люди. Но все они, несмотря на различия, творили духовную традицию, не давали ей умереть и бережно передавали ее из поколения в поколение. Гуру как бы замыкали на себе бесконечную цепь культурной преемственности. Несмотря на различия в методах и идеях, они несли в себе непреходящие черты индийского философского мировоззрения. В течение веков духовная традиция Индии вырабатывала в человеке одно из важнейших качеств – молитвенное отношение к Красоте в ее глубинном, философском смысле. Народ Индии, в отличие от народов многих других стран, обожествил создателей философских систем, мудрецов и учителей. Если в Древней Греции поклонялись богам и героям, то в Индии – богам и мудрецам, а потом уже героям. Мудрецы – создатели и творцы духовной традиции Индии – были особым ее явлением.

Мудрецы первого поколения, согласно мифологической традиции, были не только культурными героями, просвещавшими народ и обучавшими его различным ремеслам, они были связаны с Космосом. Созвездие Большой Медведицы в Индии называют Сапттариши – Семь Мудрецов. От этих семи мудрецов пошли и остальные, каждый из которых оставил свой след не только в мифологии Индии, но и в ее истории. Родословная мудрецов шла через многие века и дошла до XX века.

Встречи с Учителями

В 1919 году Рерих вместе с семьей покинул Финляндию. Их было четверо: Николай Константинович, Елена Ивановна и их сыновья Юрий и Святослав. Следует сразу сказать, что необычный труд, который был целью самого Рериха, лег на плечи всей семьи. И все, что впоследствии совершалось, делалось всеми, у каждого была своя часть общего труда. Через Швецию, где состоялась выставка картин Николая Константиновича, семья приехала в Лондон, затем прибыла в США, где Рерих вел большую культурно-просветительскую работу и создал в Нью-Йорке Музей Николая Рериха, куда отдал значительную коллекцию своих картин. Затем он направился во Францию.

В 1923 году семья Рериха из Марселя отплыла в Бомбей. Из Бомбея Рерихи совершили путешествие по Индии и посетили ее исторические места – Дели, Агру, Джайпур. Затем прибыли в Калькутту, а оттуда в Дарджилинг, в котором задержались почти на год. Сначала в Лондоне, а затем в Дарджилинге у Николая Константиновича и Елены Ивановны состоялись две знаменательные встречи с Учителем, информацию о котором они получили еще в Финляндии. После этих встреч вся дальнейшая деятельность Рерихов проходила под руководством Учителя, имя которого долго не раскрывалось. Николай Константинович писал об этом крайне осторожно и завуалированно, не желая выдавать имя Учителя невежественной и пошлой молве.

«Мы четверо, – писал Рерих в экспедиционном дневнике, – после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидели на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто. Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не су-

ществует»¹. Но встреча с «ламой» все же состоялась. Она произошла в небольшом храме, который стоял у дороги, ведущей от Дарджилинга к буддийскому монастырю Гум.

Так в жизни Рериха произошел новый поворот. Этот поворот был связан с рядом особых обстоятельств, о которых многие авторы, пишущие о нем, умалчивали. Ибо события, которые возникли на его пути, оказались столь уникальными, необычными и эмпирически трудно доказуемыми, что предпочтительно было их замолчать. Тем не менее факт связи Николая Константиновича и Елены Ивановны с Учителями прослеживается по всему научному, художественному и философскому наследию Рерихов.

Учителя были блестящими историками не только в теории, но и в деятельной практике. Рерих стал их выдающимся учеником, что наложило значительный отпечаток на него как на историка, и пренебрегать подобным обстоятельством не следует. Ощущение предстоящего поворота в жизни мы находим уже в его живописи начала XX века. Три загадочных сюжета – «Владыки нездешние», «Сокровище Ангелов» и «Книга Голубиная» через некоторое время как будто ожили в реальном бытии художника и ученого. «Владыки нездешние» – это Учителя, реализующие в своей деятельности Великий закон Космоса об учительстве. «Сокровище Ангелов» – это метеорит из созвездия Орион, обладающий высокой космической энергией, осколок которого был прислан Рериху на его парижский банк. И, наконец, «Книга Голубиная», содержащая в себе знания по Мирозданию и космической эволюции, была прообразом книг Живой Этики, в которых содержатся философия космической реальности и система познания нового космического мышления. Живая Этика была создана Учителями в сотрудничестве с Еленой Ивановной Рерих. Все творчество Николая Константиновича Рериха было пронизано космическими идеями Живой Этики.

Почему именно нашим соотечественникам была поручена миссия доведения до России идеи нового космического мышления и новой системы познания? Дело в том, что в начале XX века талантливые русские ученые В.И.Вернадский, А.Л.Чижевский, К.Э.Циолковский, П.А.Флоренский, а также выдающиеся художники и философы стали пионерами нового подхода к исследованиям Мироздания и особенностей космической эволюции. Именно Россия, более чем какая-либо другая страна, была готова к принятию «Книги Голубиной». Русские ученые обратились к Востоку и в первую очередь к индийской философии. «Под влиянием современной науки, – писал академик В.И.Вернадский, – новых областей знания в первую голову, началось,

---

¹ Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 158–159.

может быть, в связи с этой неожиданной ее (индийской философии. – Л.Ш.) близостью к новым научным концепциям, после многовекового перерыва, возрождение философской работы в Индии на почве единой древней философии и мировой современной науки. Она оживает и возрождается – находится на подъеме, когда философия Запада все еще на ущербе»¹.

Через полвека академик А.Л.Яншин сказал: «И на основании литературных произведений, а отчасти на основе художественного творчества, Н.К.Рерих должен быть причислен к той плеяде крупных ученых, которые еще до полета в Космос приближали время изучения Вселенной, изучения Земли из Космоса, то есть рядом с фамилиями К.Э.Циолковского, А.Л.Чижевского, В.И.Вернадского, конечно, должна быть поставлена фамилия Н.К.Рериха»².

Осмысливая связь идей Рериха и ученых, формировавших новое космическое мышление, мы должны помнить о тех, кто стоял за русским художником и ученым. «Благословен народ, – писал Рерих, – вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши культы удобства. Они великие несоглашатели истории. Не косность, но истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни – в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни»³.

Безусловно, для Рериха общение с Риши, Учителями и Мудрецами, было самым важным в индийском периоде его творчества, и научного и художественного. Это общение определило культурно-историческую позицию Рериха, сделало ее ясной и действенной. Понимая все значение Индии для мировой культуры и особенно России, он не ограничился исследованием лишь общности древних корней Индии и России. Он как бы растворился в Индии, изучая ее народ, культуру, традиции, ее историю, которая привлекала его еще с молодых лет. По уровню знаний об этой стране он вполне мог считаться не только историком, но и востоковедом или, вернее, индологом. Уровень его подготовки мог соперничать с канонизированными учеными. От последних Рериха отличали знания не только теоретические, но и практические, что в то время в европейской науке было редкостью.

---

¹ Вернадский В.И. Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. М., 1977. Кн. 2. С. 75.

² Цит. по: Наука в Сибири. 10.XI.1984.

³ Рерих Н.К. Твердыня Пламенная. Нью-Йорк, 1933. С. 252.

Центрально-Азиатская экспедиция

В Дарджилинге, где состоялась встреча с Учителями, Рерих начал подготовку к Центрально-Азиатской экспедиции, задачи которой были детально с ними обсуждены. В экспедиции, которая стала крупнейшей в XX веке, участвовали: во главе экспедиционного состава сам Рерих, его жена Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич, к тому времени ставший профессиональным востоковедом и лингвистом. Центрально-Азиатская экспедиция началась в 1924 году в Сиккиме, небольшом королевстве по соседству с Британской Индией, затем перебазировалась в индийское княжество Кашмир. Из Кашмира ее маршрут пролегал в Ладак, из Ладака через Каракорум она двинулась в китайский Синьцзян, в районе которого пересекла границу с советской Средней Азией, – и прибыла в Москву. Из Москвы путешественники отправились в Сибирь, оттуда – на Алтай и через Бурятию вошли в Монголию, из нее попали в Тибет, из Тибета через неизведанные еще Трансгималаи двинулись на Сикким и оттуда прибыли в Дарджилинг. Экспедиция, длившаяся четыре года (1924–1928), совершила грандиозный круг – этого не сделала ни одна экспедиция XX века.

Почему был выбран такой маршрут? Ответ на этот вопрос можно получить, исследуя не только путь экспедиции, но и исторические взгляды Рериха. Центрально-Азиатская экспедиция была самым важным, если не самым главным событием в жизни Рериха, ее кульминационным пунктом, где сошлись многие обстоятельства, сделавшие жизнь Рериха столь необычной.

На сиккимском маршруте лежали старинные монастыри: Пема-янцзе, Ташидинг, Сангачелинг, Дублинг. Николай Константинович подолгу беседовал с их настоятелями, встречался с ламами, отшельниками и мудрецами. Монастыри принадлежали секте красных шапок, высокие ламы которой считались хранителями древних тайных знаний. Легенды связывали источник этих знаний со священной Канченджангой, Горой пяти сокровищ. За легендами и мифами стояла неизвестная еще реальность. Но русский ученый и художник соприкоснулся с этой реальностью и отразил ее в своих сиккимских полотнах. Реальность эта была похожа на легенду. Окончательный маршрут Центрально-Азиатской экспедиции был разработан в Сиккиме. Николай Константинович и Елена Ивановна, общаясь с мудрецами, хранителями тайных знаний, сумели четко определить цели экспедиции. «Кроме художественных задач, – отметил впоследствии Рерих, – в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное

состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне»¹.

Весной 1925 года Рерихи прибыли в Кашмир. В Сринагаре они остановились в старом английском отеле «Недоу». Однако большую часть времени проводили в поездках по княжеству. Первые впечатления от Кашмира были яркими и незабываемыми. «Здесь и Мартанд, и Авантипур, связанные с расцветом деятельности Авантисвамина. Здесь множество развалин храмов шестого, седьмого, восьмого веков, в которых части архитектуры поражают своим сходством с деталями романеска. Из буддийских памятников почти ничто не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого буддизма, как Нагарджуна, Асвагоша, Ракхшита и многие другие <...> Здесь и трон Соломона, и на той же вершине храм, основание которого было заложено сыном царя Ашоки»². В Кашмире на пути экспедиции возникли первые препятствия.

С большим трудом было получено разрешение отправиться в Ладак. Из Сринагара в Ле, главный город Ладака, вела старинная караванная дорога. По ней в конце августа 1925 года экспедиция вошла в Ладак. «Пройдя ледяные мосты над гремящею рекою, прошли как бы в иную страну. И народ честнее, и ручьи здоровые, и травы целебные, камни многоцветные. И в самом воздухе бодрость. Утром – крепкие заморозки. В полдень – ясный сухой жар. Скалы пурпурные и зеленоватые. Травы золотятся, как богатые ковры. И недра гор, и приречный ил, и целебные ароматные злаки – все готово принести дары. Здесь возможны большие решения»³. В отличие от мусульманского Кашмира, Ладак был буддийским. Здесь сохранилась основа древней традиционной культуры. Рерих зарисовывал и исследовал старинные крепости и монастыри, древние святилища и наскальные рисунки, неизвестные погребения и старинную одежду. Ле стоял на пересечении древних караванных путей. Сюда стекалась странствующая, кочевавшая и торговавшая Азия. Караваны везли товары из Индии, Китая, Тибета, Афганистана. Приходили ламы в красных одеяниях. Они торговали тибетскими реликвиями и талисманами. Мелькали черные и голубые тюрбаны балтов, степенно прогуливались по узким улочкам города длиннобородые аксакалы из Синьцзяна. Время от времени возникали странно и причудливо одетые хранители древних знаний. Отсюда вели пути в священную Лхасу и китайский Туркестан. Над городом сверкали вечные снега Каракорума. Осенью того же года экспедиционный караван покинул Ле и направился к белоснежному хребту.

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. М., 1998. С. 13.

² Там же.

³ Там же. С. 15.

За Каракорумом кончались Гималаи и начиналась громадная древняя равнина, опаленная и иссушенная по краям великими пустынями Азии. За двенадцать дней экспедиция прошла пять перевалов. На ее пути было все: обледеневшие отвесные скалы и метели на перевалах; горная болезнь и жестокий мороз, при котором styли руки и нельзя было ни рисовать, ни писать; тропы, усеянные костями погибших караванов; снегопады и пронизывающие ветры; сердечная недостаточность и лошади, срывающиеся в ледяные расселины. Когда прошли горы, в розовой мгле возникла великая пустыня Такла-макан. На китайском пограничном пункте у путешественников проверили паспорта. Засыпанная песком дорога вела на Хотан. Экспедиционный караван шел по Великому шелковому пути. Пустыня дышала жаром. По дороге попадались войлочные юрты киргизов, глинобитные домики, мазары, грязные и пыльные поселки. Рерих расспрашивал о древних городах, о буддийских храмах, некогда стоявших здесь. Но никто ничего о них не знал. Седобородые аксакалы качали головами и вздыхали.

В Синьцзяне было беспокойно, ползли слухи о произволе, чинимом хотанским амбанем. К середине октября экспедиция подошла к Хотану. Пыльный, шумный город производил удручающее впечатление. Ничего подходящего для стоянки найти не удалось. Расположились в саду, в самом центре города. Толпы любопытных бездельников, одетых в живописные лохмотья, осаждали прибывших. Они шумели, мешали отдыхать, не давали работать. Николай Константинович и Юрий Николаевич нанесли визит даотаю, хотанскому губернатору. Во время визита за их спинами стояли вооруженные охранники. Губернатор Ма, разыгрывая гостеприимного хозяина, вежливо улыбался и щурил узкие глаза. И было что-то двусмысленное и скользкое в этом губернаторском прищуре. Через несколько дней власти не признали китайского паспорта Рерихов и потребовали паспорт царской России. Отобрали оружие, запретили вести научную работу и рисовать. Солдаты пришли с обыском. Экспедицию фактически арестовали. Потянулись томительные дни ожидания и бесполезных переговоров. Телеграммы, которые посылал Рерих, сообщая о бедственном положении экспедиции, возвращались обратно.

Наступила зима. Снег покрыл унылые окрестности Хотана. «Надо суметь уехать. Несмотря на морозы надо ехать»¹, – записал Николай Константинович в своем дневнике. Они наняли верблюдов, нашли проводников. Но вырваться не удалось. Путешественники оказались пленниками тупого даотая и невежественного жестокого амбана. Наконец с большим трудом Рериху удалось найти надежного человека и отпра-

---

¹ Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 15.

вить с ним письмо советскому консулу в Кашгар. «Уважаемый господин консул! – писал он. – Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана. Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным известить соответственно власти в Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы через Москву...»¹ Советский консул немедленно принял меры. Синьцзянский генерал-губернатор издал приказ об освобождении экспедиции. В конце января 1926 года экспедиция покинула Хотан и к февралю достигла стен Кашгара. После Кашгара вновь началась пустыня. Мерный ход каравана убаюкивал, навевал свободные широкие мысли. «...Мы опять в пустыне. Опять вечерние пески лиловые, опять костры <...> На песке пестрые кошмы. Веселые языки пламени красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам»².

Дальнейший путь вел на север. Туда, где через пустыни и горы протянулась граница с Россией. Рерих много думал о предстоящей встрече с Родиной. Он не представлял себе, какой она стала: «Золотое, слегка притушенное солнце долго касалось зубцов дальних гор и ушло, оставив мягкий огневой столб. За этими горами русская земля. Сегодня песен нет. Поселок тих. За околицей на равнине наши палатки. Сверху глядит Орион»³.

В Урумчи Рерих связался с советским консулом А.Е.Быстровым. Вскоре пришло разрешение на въезд в Советскую Россию, подписанное наркомом иностранных дел Г.В.Чичериным. Рерих оставил консулу на хранение свой дневник и завещание. Он не был уверен, что экспедиция благополучно дойдет до советской границы. В случае гибели экспедиции все ее имущество и картины переходили советскому правительству. Из Урумчи экспедицию провожали советский консул и его сотрудники. На дорогах снова было беспокойно. Время от времени на гребнях гор появлялись всадники. Они что-то высматривали, но к каравану не приближались. Экспедиция продвигалась осторожно, высылая вперед разведчиков. Нефритовые горы миновали благополучно. За ними появился Тарбогатай. На последнем китайском пограничном посту путешественников особенно долго и придирчиво досматривали. Из-за этого пришлось заночевать на китайской стороне. Взошла луна и залила голубым светом окрестные горы. За ними, совсем близко, лежала граница родной страны.

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 15.

² Там же.

³ Там же.

А на следующий день: «Здравствуй, земля русская, в твоём новом уборе!»¹ Навстречу прибывшему каравану вышел вежливый и подтянутый начальник погранзаставы. Красные звезды горели на фуражках пограничников. 29 мая 1926 года Центрально-Азиатская экспедиция пересекла советскую границу в районе озера Зайсан. Первая встреча с людьми новой России ошеломила и обрадовала. «Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было бы говорить о космосе и мировой эволюции?! Радостно. Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать еще. На каком пограничном посту будут так говорить и так мыслить!»²

13 июня 1926 года Рерихи прибыли в Москву. Николая Константиновича приняли наркомы иностранных дел и просвещения – Г.В. Чичерин и А.В. Луначарский. Оба проявили большой интерес к экспедиции, детально расспрашивали о пройденном пути, обещали поддержку. Из Москвы двинулись через всю страну к Алтаю. Летом 1926 года экспедиция прибыла туда. Староверческое село Верхний Уймон стало штаб-квартирой экспедиции. Рерихи поселились в доме В. Атаманова, который согласился стать проводником. Члены экспедиции собирали минералы, интересовались целебными травами, обследовали древние курганы, любовались наскальными рисунками. Внимание художника неизменно приковывали белоснежная гора Белуха и легенды, связанные с нею. Легенды эти были таинственны и загадочны. В них сквозило что-то недосказанное и запретное. Отзвуки необычных событий, намеки на великих странников, слухи о тайных местах в горах и, наконец, рассказы о чудесной стране Беловодье – все это сплеталось в причудливые узоры народной фантазии и полузабытой реальности.

Рерих искал следы этой реальности, которые давали о себе знать самым неожиданным образом. «В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда? Белый Бурхан, есть ли он Будда или иной символ? В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта»³. Кажется, что сведения, сообщенные Рерихом, носят отрывочный характер. Но знания, приобретенные художником в долгом путешествии, позволяют ему связывать воедино разрозненные факты. Староверческое Беловодье и буддийская Шамбала – источник один. Извечная мечта человека о стране справедливости. Алтайский Белый Бурхан напоминает индийского

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 16.

² Там же.

³ Там же. С. 17.

Будду. Может быть, Будда когда-то проходил по Алтаю? Ведь Алтай и Гималаи – единая горная система. Бесконечны ходы неизведанных пещер. «От Тибета через Куньлунь, через Алтын-таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спаслись в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в жар-цвет»¹. Несколько позже Рерих записал: «О снеговых вершинах Белухи свидетельствуют снега Гималаев»². Так возникал замысел книги о Центрально-Азиатской экспедиции «Алтай – Гималаи».

19 августа 1926 года экспедиция двинулась через Бийск на Улан-Удэ, оттуда в Монголию. Урга, столица Монголии, стояла на равнине, окруженной горами. Сверкали золоченые крыши буддийских храмов. На площади города скакали всадники революционной армии. Марширующие отряды пели строевую песню:

*Чанг Шамбалин Дайн.
Северной Шамбалы война.
Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы.*

Николай Константинович узнал, что эту песню написал вождь монгольской революции Сухэ-Батор. В этой песне древняя легенда наполнялась революционным динамизмом – сверкнула еще одна грань реальности.

Художник подарил правительству новой Монголии свою картину «Великий всадник». Полотно напоминало жизнь Монголии, в которой слились воедино традиционное и новое: в алых облаках по небу мчался всадник на красном коне. Всадник трубил в раковину, и лицо его было похоже на храмовую маску. Впереди него, как вестники Грядущего, летели красные птицы.

В Урге предстояло решить, каким путем идти на Тибет. Дороги из Монголии были ненадежны. В степях и горах пограничных районов на караваны нападали воинственные тибетские племена и шайки бродячих разбойников. Русские путешественники Пржевальский и Козлов шли из Урги на Тибет через горы Гурбун, Сайхан, Алашань. Теперь этот путь был закрыт. Оставалась караванная дорога на Юмбейсе–Аньси. Информация об этой дороге была крайне скупа, но иного пути не было. Перед выходом на Тибет предстояло пополнить состав экспедиции, набрать надежных проводников. Часть снаряжения Рерих получил из запасов, которые были оставлены в Урге экспедицией Козлова.

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 17.

² Там же.

Пока шла подготовка к продолжению пути, Рерих налаживал связи с Лхасой. Загадочный и далекий город стоял за монгольскими степями, пустыней Гоби, Гималайскими хребтами. Торговый караван повез письма из Урги в Лхасу. Ответ прибыл через три месяца. Центрально-Азиатской экспедиции Рериха разрешили войти в Тибет и посетить Лхасу. Но Рерих знал, что в священном городе ведут себя не всегда логично. Незадолго до этого в Лхасу не пропустили Козлова, имевшего личное приглашение далай-ламы.

В апреле 1927 года экспедиция покинула Ургу и направилась к реке Тола. С трудностями, но без особых приключений добрались до пустыни Гоби. Она не была похожа на Такла-Макан. В Гоби не было давящей беспощадности. Дорога, шедшая через Гоби, была пустынна. За все время пути они встретили несколько подозрительных всадников и китайский караван. За Аньси пополнили запасы продовольствия и двинулись к Цайдаму. У Шарагола экспедиционный лагерь смыло селевым потоком. Погибли некоторые коллекции и часть экспедиционного имущества.

За время дальнейшего пути происходили разные события, но одно запомнилось Рериху больше всех: однажды в лагере появился всадник. «Его золототканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и выслать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени»¹.

Переход через Цайдам начался 19 августа 1927 года. Экспедиция продвигалась по короткому, еще не известному пути. Цайдам был покрыт соляными болотами. Пришлось идти по ненадежной соляной корке и ночью. Останавливаться было нельзя. И только на следующее утро вновь начались пески. Вдали синели горы, за которыми был Тибет. Экспедиция вошла на территорию племени голоков, не подчинявшихся ни китайскому губернатору, ни Лхасе. Голоки появились в первом же ущелье. Вестник в золототканом кафтане сказал правду. Экспедицию ждала засада. Караван остановился, дожидаясь, когда подтянутся идущие сзади. Были направлены парламентареры. Вид вооруженного каравана охладил пыл голоков. С криками и гиканьем они исчезли в утреннем тумане.

Был уже сентябрь, и Тибет встретил экспедицию буранами и мокрым снегом. Караван поднялся на перевал Танг-ла. Оттуда открылся вид на Тибетское нагорье. От горизонта до горизонта тянулись снеж-

---

¹ Цит. по: *Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. С. 18.

ные хребты, похожие на волны застывшего моря. Воздух был сухим и разреженным. Когда экспедиция вошла в долину Шенди, ее остановил отряд тибетских солдат. Пришлось разбить незапланированный лагерь. На следующий день прибыл командир отряда. Он пересчитал экспедиционных верблюдов и лошадей и велел открыть ящики. Вслед за ним приехал важный чиновник от губернатора Нагчу. Он допросил Николая Константиновича и написал донесение в Лхасу. Экспедицию не пропустили ни в Лхасу, ни даже в Нагчу. Ее задержали и оставили в летних палатках на плато, похожем на арктическую тундру. Пологие осыпающиеся горы окаймляли его по краям. Наступала зима. Пошли снега, и метели потянули по смерзшимся камням белые шлейфы. Рерих пытался связаться с Лхасой. Его посланцы уходили и больше не появлялись. Морозы доходили до шестидесяти градусов. В аптечке замерзал коньяк. Дули ураганные ветры. Офицер зорко следил за тем, чтобы не было никаких контактов с редко проходящими караванами, и запретил экспедиции покупать продовольствие у местных кочевников. Связь с миром прекратилась.

«Тибетское стояние» Центрально-Азиатской экспедиции продолжалось шесть страшных месяцев. Плато Чантанг находится на высоте 4–4,5 тыс. метров над уровнем моря. Суровая зима на таких высотах губительна для людей и животных. Умерло несколько человек, погибли караванные животные, но основной состав экспедиции все-таки выжил в этих невероятно тяжелых условиях. Много лет спустя стало известно, кто обрек экспедицию на гибель и кто не хотел возвращения Рериха в Индию. Документы, найденные в архивах независимой Индии, свидетельствуют о происках колониальных властей Индии и британской разведки.

И все-таки Рерих одержал трудную, почти невозможную победу над стихией и враждебным людским заговором. Экспедиция вырвалась из смертельных объятий морозного плато. Ее дальнейший путь пролегал по неисследованной области Трансгималаев. Центрально-Азиатская экспедиция вернулась в Индию, в Дарджилинг, в 1928 году. В конце этого года Рерихи поселились в Западных Гималаях, в долине Кулу.

«Метод вех»

Центрально-Азиатская экспедиция по праву может претендовать на особое место среди экспедиций XIX и XX веков. Ни одна из известных нам экспедиций не дала такого количества первоклассного художественного материала, как экспедиция Рериха. Картины, написанные выдающимся художником как во время Центрально-Азиатской экспе-

диции, так и после нее, не были прямой иллюстрацией пройденного маршрута, какими обычно бывают экспедиционные зарисовки или фотографии. Рериховские полотна не только дополняли собранный экспедицией материал, но и являлись самостоятельной частью этого материала. Кистью Рериха водила не только рука художника, поддающегося свободному полету фантазии и прихотям вдохновения, но и точная рука ученого. И тот и другой слились в одном человеке. Художник давал в картинах научную информацию, а ученый обладал художественным прозрением и интуицией.

Об одной из таких картин академик А.П.Окладников писал: «Что касается бронзового и железного веков, то картина Н.К.Рериха «Меч Гесэра» археологически точно воспроизводит наскальный рисунок, послуживший прототипом для нее, и позволяет провести определенную датировку. Это характерный меч или кинжал эпохи плиточных могил. Такие кинжалы нередко встречаются за Байкалом и в Монголии на тех же оленных камнях, как важнейшее оружие древнего воина второго и первой половины первого тысячелетия до нашей эры»¹.

На картинах Рериха мы не найдем подробного и систематического отображения всех деталей пройденного пути. Скорее, видим на них культурно-исторические моменты, или вехи, которые Рерих считал важными для себя и привлекал к ним внимание других. Эти вехи шагали из картины в картину, образуя стройную, но загадочную цепочку событий, мест, людей, памятников, сюжетов малоизвестных легенд и сказаний. Горы, выписанные кистью великого мастера, составляли неотъемлемую часть многих полотен и как бы сами по себе тоже являлись вехой.

Этот странный и необычный «метод вех», которыми Рерих так неожиданно метил Время и Пространство, явно присутствовал и в его экспедиционных дневниках. Именно по этой причине и «Алтай–Гималаи», и «Сердце Азии» не похожи на путевые заметки и записи других путешественников. При первом взгляде они производят впечатление отрывочности и даже разбросанности. Воедино этот материал связывает авторская концепция, которая присутствует в глубине композиционной постройки. Для анализа исторической концепции Рериха важное значение имеет ряд его высказываний, определяющих подход к исследованию культурно-исторического материала. «Никакой музей, – записал художник в одном из экспедиционных дневников, – никакая книга не дадут права изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их собственными глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество твор-

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 20.

чества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убедительное будет отсутствовать»¹.

«Истинные впечатления действительности» лежали в основе всего творчества Рериха. Они уводили его от традиционных исторических схем, устоявшихся в науке многолетних предрассудков. «Главная наша задача, – писал он, – изучать факты честно. Мы должны почитать науку как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством»². Путь отрицания существующих фактов и явлений Рерих справедливо считал самым неплодотворным в науке и видел в этом признак невежества. Такое научное невежество нередко преграждало путь открытию, а иногда и становлению целой области науки. «Все должно быть выслушано и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания»³.

Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции пролегал по землям древнейших культур Азии. Каждая из этих культур представляла огромное поле для исследования. Рерих не углублялся в исследование конкретных особенностей отдельной культуры, а искал то, что связывало их во Времени и Пространстве. Он искал общее, а не частное; сходство, а не различие. Его интересовали широкие проблемы путей культурного взаимодействия различных народов, механизм преемственности в формировании многослойных традиционных культур и, наконец, поиск древнейших источников, создававших целые культурные общности. Иными словами, Рерих вел свои исследования в широких границах длительных и сложных процессов, создававших культурно-историческую общность человечества в целом. Вехи, которые он расставил в своих картинах и экспедиционных дневниках, были вехами этих процессов.

Рерих пометил своими вехами непреходящие элементы в культурной традиции тех народов, с которыми имел дело на экспедиционном маршруте. Эти вехи не утратили значения и сейчас, как и старинные крепости, монастыри, древние святилища и легенды, изначальные земледельческие праздники и культ солнца.

В исторической концепции Рериха, где «метод вех» играл основную роль, огромное значение имело также соотношение временных категорий прошлого, настоящего и будущего. Эти категории, действуя в рамках непреходящего и преходящего в культурно-историческом

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 21.

² Там же.

³ Там же.

процессе человечества, служили путеводной звездой в его длительном плавании по бурному океану человеческой истории. «Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего»¹, – писал он в одной из своих работ. И еще: «Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями древних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина»². В экспедиционном дневнике Рерих отметил: «...вчерашнее «случайное» становится в линию движения эволюции. А сегодняшнее «важное» оказывается часто просто случайным пережитком»³.

Все эти высказывания подтверждают особое значение для Рериха «непреходящего» или долгодействующего в развитии человеческой культуры, а также свидетельствуют и об уровне исторического обзора самого ученого. Среди прочих, с которых можно рассматривать и исследовать историю человечества, он выбрал уровень культурно-исторической эволюции. Каждый уровень обзора имеет свое преимущество. Снижение уровня сужает обзор, но позволяет видеть конкретные детали и ограниченные во времени процессы. С борта космического корабля космонавт не замечает отдельных домов и деревьев на земной поверхности, но может наблюдать зарождение разрушительного тайфуна, невидимого с земли. Такой космический обзор доступен не каждому. Нужна особая одаренность ученого. Рериху удалось сохранять высокий уровень обзора даже тогда, когда он спускался в область конкретной истории сегодняшнего дня. Он остро ощущал историческое время, видел закономерности, связывающие воедино прошлое, настоящее и будущее, и умел найти в этом потоке времени то, что было способно к дальнейшему развитию, то, что составляло «чудесные камни» человеческой культуры. Устремленный в будущее, стараясь представить себе основные направления восхождения человечества в процессе эволюции, Рерих закономерно измерял прошлое и настоящее будущим. Эта мера, носящая концептуальный характер, присутствовала и в его вехах. «Можно знать прошлое, но сознание надо устремлять в будущее»⁴, – писал он. И еще: «Когда зовем изучать прошлое, будем это делать лишь ради будущего»⁵. Именно на этом будущем сверкал тот «вдохновенный иероглиф», которым он метил камни древних культур и культурных достижений, расставляя свои вехи.

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 24.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«Вдохновенный иероглиф» будущего определил и маршрут Центрально-Азиатской экспедиции. Индия, Китай, советская Сибирь, Монголия, Тибет... Страны, которые находились на разных ступенях развития, существовали в разных социально-экономических условиях, имели разные культурно-исторические комплексы. Но маршрут Центрально-Азиатской экспедиции как бы объединил их в одно целое. «Вдохновенный иероглиф» пометил своеобразным знаком качества камни древних культур и подтвердил их пригодность для «ступеней грядущего». Материал, собранный экспедицией на территории этих стран, был осмыслен Рерихом-ученым с широкой историко-философской точки зрения. Это обстоятельство определило научную уникальность Центрально-Азиатской экспедиции.

Как ученого и как художника Рериха волновал вопрос об общем источнике древних культур Индии и России. Он искал этот источник и обнаружил немало следов. Это обстоятельство в свою очередь дало возможность шире посмотреть на проблемы культурной общности ряда народов. «Гигантские ступы буддизма – погребальные памятники, обнесенные оградой, те же курганы всех веков и народов. Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан»¹. В развалинах древних индуистских храмов Кашмира Рерих увидел отчетливые следы романского стиля, связанного с поздними кочевниками-аланами. В красочных женских костюмах Ладака он обнаружил, что расшитая шелковая накидка напоминает византийскую, а высокие шапки похожи на шапки русских бояр. Ладакские металлические пряжки, укрепленные на правом плече, повторяли скандинавские фибулы. На базарах Кашгара Рерих увидел сундуки раннего Ренессанса, а в степях Джунгарии вновь вспомнил русскую старину. Его поразил костюм киргизских всадников. «Киргизы скачут на белых лошадях. На головах стеганные цветные шишаки – точь-в-точь как древние куаки русских воинов. На макушке пучок перьев филина. На руке иногда сокол с колпачком на глазах. Получается группа, входящая и в XII, и в XV века»².

Русское средневековье смешивалось в степях Джунгарии со скифской древностью. И Рерих пришел к выводу, что сходства в культурах разных народов больше, чем различий. «И наш оптимизм, – отмечал он в связи с этим, – не является результатом далеких снов, но есть результат изучения дюжин стран и широкого контакта с различными

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 25.

² Там же.

народами, с совершенно различной психологией. И, в конце концов, несмотря на эти различия, они едины»¹.

Это единство объединяло не только страны Азии, но и различные континенты: Азию и Европу, Азию и Америку. В рериховской интерпретации путей развития «непреходящих» элементов культуры не оставалось места ни для европоцентризма, ни для извечного противопоставления Запада Востоку. Он поставил свою веху на динамичном мире ранних кочевников, которые переплели судьбы Востока и Запада и содействовали их усиленному культурному взаимодействию. Этот мир начал оформляться на рубеже первого и второго тысячелетий до нашей эры. Рерих нашел следы ранних кочевников в Гималаях, в пустыне Гоби, в Джунгарских степях, на Алтае. Ему были известны результаты раскопок в южнорусских степях, в Сибири и Монголии. В отличие от многих ученых того времени, считавших кочевников косными и отрицательно влиявшими на ход мировой истории, он отметил их важнейшую роль в истории. Культурное взаимодействие ранних кочевников с оседлыми народами, происходившее в противоречивых формах, тем не менее оказалось мощным творческим импульсом, создавшим новые качества культур, новые необычные формы в искусстве, такие, как известный всему миру скифский «звериный стиль».

Выделяя исторический динамизм как один из «непреходящих» долгодействующих факторов в истории планеты, Рерих искал подтверждения этому в самых ранних периодах ее истории. Поэтому его всегда влекли древние миграции народов, как фактор широкого культурного взаимодействия. На этих миграциях он поставил свою очередную веху. Следы этих миграций в древности отмечали петроглифы, загадочные мегалиты, древние погребения. На скалах Алтая, Монголии, Ладака, китайского Туркестана были высечены круторогие горные козлы, лучники, пляшущие фигурки. Рерих протянул нить этих петроглифов до Венгрии, Скандинавии и даже Америки. Некоторые из этих петроглифов датировал периодом неолита. Время показало, что он был прав.

Экспедиция открыла в Тибете неизвестные до этого мегалитические памятники. Они повторяли конструкцию и облик мегалитов Франции и Англии. Древние пути народов связывали Восток с Западом, Азию с Европой и Америкой.

«Вдохновенный иероглиф» рериховских вех был поставлен не только на памятниках материальной культуры. Фольклор, духовное наследие народов, был тоже отмечен им. В богатейшем фольклорном наследии Азии Рерих обратил наше внимание на те легенды и сказания, где нашли отражение нравственные устремления народов к справедливости, лучшему бу-

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 25

дущему, торжеству добра над злом. Это «непреходящие» темы фольклора. Рерих обогатил наши знания азиатского фольклора народными сказаниями о Майтрейе, будущем Будде – освободителе угнетенных и униженных, новыми версиями легенд о подвигах героя Гесэр-хана и, наконец, целым циклом малоизвестных сказаний о Шамбале и Беловодье, где существует мудрое и справедливое устройство жизни и где обитают учителя добра, носители знания, необходимого для лучшего будущего народов.

Коллективный опыт народа, нравственный и эстетический, заключенный в фольклоре, культурных традициях, с точки зрения Рериха – одна из важных движущих сил на пути культурно-исторической эволюции человечества. Поэтому этот опыт нуждается в научном осмысливании, в строгом выявлении реальности, стоящей за красочными, а иногда и просто фантастическими образами мифов, сказаний и легенд. «Так многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности»¹, – писал ученый.

Проникая в культурную традицию различных народов, осмысливая ее с точки зрения будущего, Рерих отметил ее взаимодействие с социальными и политическими моментами современной ему Азии. Он был одним из первых, кто выявил влияние этой культурной традиции на освободительное движение таких стран, как Монголия, Китай, Индия. Обратил внимание на традиционные формы этого движения, переплетение в нем культурных традиций прошлого и текущих социальных и политических целей. Такую веху, связанную с традиционной культурой, трудно переоценить.

На своих полотнах, в очерках и дневниках Рерих представил великих мыслителей, духовных руководителей, деятельность которых оказала огромное влияние на продвижение человечества по пути культурно-исторической эволюции.

Многие культурно-исторические вехи, поставленные во время Центрально-Азиатской экспедиции и после, явились сами по себе открытиями. Каждая из них несла и несет большие возможности глубинных научных исследований, связанных с изучением Времени, Пространства и Человека. Диалектический метод, которым пользовался Рерих как историк, прогрессивные устремления позволяют нам считать его одним из крупнейших мыслителей и ученых XX века. Он указал на ряд направлений в исторической науке, которые потом получили развитие. В определении их сыграли роль и рериховский дар научного предвидения, и его точная интуиция, и выношенная в течение всей жизни концепция, в основе которой лежала глубоко осознанная будущая солнечная действительность планеты.

---

¹ Цит. по: Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. С. 26.

История «внутренняя» и «внешняя»

Описание Центрально-Азиатской экспедиции было бы неполным без упоминания еще одной из вех не менее важной, чем предыдущие. С этой особенностью сталкиваешься буквально в первые же часы пребывания на маршруте рериховской экспедиции. Сталкиваешься с Красотой. Весь путь был красив. Красота жила в скалах и сверкании горных снегов, в узорных листьях деревьев и голубизне горных рек, в прозрачности горного воздуха и в зыбучих песках, в жемчужных туманах и разноцветье альпийских лугов. Она жила в людях, в их внешности, поступках.

Это сочетание Красоты с большой буквы с исторической значимостью мест, по которым проходила экспедиция, поражало, заставляло задумываться и размышлять над ролью тех связей, которые существуют между природой планеты и историей обитающего на этой планете человечества. Мы еще не до конца осмыслили эти связи. Но то, что они существуют, взаимодействуют и взаимовлияют, в том нет никакого сомнения.

Дневники Рериха не просто своеобразная научная литература, но и важный исторический источник. Он не только наблюдал и изучал материал, но, не ошибусь, участвовал непосредственно в историческом процессе и его формировании на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Историческая наука знает о субъектах истории и ее объектах. Субъекты творят историю. Таким творцом, будучи сам историком, был и Рерих. Эта малоизвестная и еще не осмысленная научно сторона деятельности связана не только с его историческими взглядами или философией истории, которую он выработал в течение своей жизни, но с упомянутыми выше Учителями высоких знаний и расширенного сознания. Учитель вел Рерихов во время Центрально-Азиатской экспедиции, ибо кроме научных целей перед экспедицией стояла важнейшая эволюционная задача, которую они и должны были реализовать. До последнего времени эта сторона деятельности Николая Константиновича и Елены Ивановны замалчивалась.

«Встречаясь со скучною рутинною ежедневности, – писал Рерих в одном из экспедиционных дневников, – встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую необычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью. Два потока жизни особенно различны в Азии и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда»¹. Этот «зов великой правды» Николай Константинович

---

¹ Рерих Н.К. Сердце Азии. Sousbhury, 1929. С. 118.

определил еще и так: «...помимо историков пишется другая история мира»¹. Иными словами, он считал, что на нашей планете есть история внешняя, хорошо видимая обычным глазом и доступная осмыслению свидетелей, а есть «помимо историков» история внутренняя, незаметная для глаза обычного человека и не поддающаяся его осмыслению.

Если говорить об истинном историческом исследовании, то оно должно включать в себя изучение и внутренней, и внешней истории, и проблемы их тесного взаимодействия. История же как традиционная наука занималась лишь ее внешними проявлениями. Рерих был первым, кто выработал новые подходы к истории. Значительная часть его творчества незадолго до Центрально-Азиатской экспедиции, во время нее и после была посвящена этой истории «помимо историков». Основой этой внутренней истории, проявления которой оставались вне науки, являлась эволюционная деятельность Учителей, подтвержденная целым циклом легенд, сказаний и мифов, которые Рерих собрал на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Это были предания о мудрецах, волшебном камне и стране Шамбале, или Беловодье, в которой обитали эти мудрецы, постигшие тайны природы и владеющие законами Космоса. Особенно эта новая методология проявилась в его художественном творчестве в Индии и во время экспедиции. Мы находим здесь новую духовную основу иной исторической реальности.

Миф как реальность

Проводя исследования богатейшего Центрально-Азиатского фольклора, Рерих стремился вскрыть ту реальность, которая стояла за преданиями и мифами. Изображая все это на полотне, он творил новую Державу Рериха, таинственную и загадочную, прикрытую иногда цветным занавесом мифов и преданий, но вместе с тем вполне реальную и вполне постижимую. Он начал писать эти полотна в Дарджилинге в 1924 году и продолжал всю свою жизнь. Это был мир Тайны и Красоты, мир гор, поднимавшихся над землей снежными гигантами. Облака и жемчужные туманы плыли по их разломам и монолитам скал, меняли их очертания и придавали им странную, непостижимую хрупкость. Солнце клало на них разноцветные и закатные краски, и они зажигались то пурпуром, то золотом, сигналили кому-то неведомому зелеными призрачными лучами, вспыхивали гаммой нездешних оттенков, блистали холодным огнем сказочных северных сияний. Ночами над ними вспыхивали яркие, колкие звезды, и звездный свет сверкающе-

---

¹ Рерих Н.К. Алтай–Гималаи. М., 1974. С. 244.

ми пылинками оседал на припушенных ночной темнотой снегах. Созвездия меняли свои очертания, и на небе возникали странные узоры. Мир гор был величественен и космичен. Его вершины, устремленные в небо, казалось, выходили за границы планеты и становились частью того еще неведомого, что определялось словом «космос». И где-то там, скрытая этими снежными вершинами, лежала таинственная заповедная страна, которую называли Шамбалой. Оттуда спешили всадники в старинных одеждах. Ламы передавали друг другу вести. Лучники посылали стрелы с указами, написанными на желтоватых свитках пергамента. «Весть Шамбалы», «Послание Шамбалы», «Письмо Шамбалы». Длинноволосые, напоминающие амазонок девы охраняли заповедные границы. У тайного входа в красном холодном пламени стоял страж с обоюдоострым мечом, «Хранитель входа». Женщина в длинных белых одеждах выходила «Оттуда» и осторожно, боясь оступиться, шла по узкому мостку через поток, отделяющий заповедную границу от мира людей. В глубине пещеры находились фигуры, освещенные таинственным светом огромных сверкающих кристаллов. Пылала золотым огнем чаша в руках одного из изображенных – «Сокровище гор». Фигура человека как будто возникла из скал, окруженная лилово-синим искрящимся сиянием ауры. Картина называлась «Fiat Rex!» – «Да здравствует Король!». Из какого королевства появился этот Король? Наверное, все из того же Заповедного.

«Держательница Мира» стоит у снежных гор, и золотой ободок ее короны сверкает на солнце. В руках у нее ларец. Его нес на спине белый сказочный конь в сиккимской серии «Его страна» – «Чинтама-ни». Держал его в руках идущий впереди целой группы персонажей, появляющихся в ночной мгле из скалистого склона Эвереста. «Сожжение тьмы». Одно цеплялось за другое, все было связано в единое целое. В этих загадочных художественных произведениях смешивались предания и высокая Реальность, границы же между одними и другими были неразличимы.

«С тех пор, – писал Рерих, – мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридцатые царства. Высились нерукотворные великаны, и грозные, и ласковые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много выдавший путник. С караваном он когда-то пересекал Гоби и Цайдам и дивился самому белоснежному Ергору. Сказание пришло из яви. Караванщики предупреждали: «Дальше не ходи!» Разве не о тридесатом, заповедном царстве они предупреждали <...> Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом и звуком о существующем»¹.

---

¹ Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1978. С. 191–192.

Вот эти удивительно точные слова «и цветом и звуком» свидетельствуют о том, сколь многосторонне и глубоко исследовал Рерих уникальное пространство «помимо историков».

Сведенные воедино, исследования давали необычную картину чьих-то действий, от которых зависела судьба экспедиции. Казалось, что рядом с экспедиционным маршрутом проходила какая-то тайная тропа, на которой и совершались эти действия. На ней возникали странные, неизвестные люди, включая и того, в золотом шитом кафтане, предупредившего Рерихов о готовящемся нападении. Они сообщали загадочные вести, совершали неожиданные поступки. Среди них были ламы, сказители и просто встречные путники. На каждом этапе маршрута, в каждой стране или области происходило нечто, что потом требовало и расшифровки, и осмысления. Записи в дневниках содержали немалое количество подобных фактов, и если их свести воедино, то получается уникальная картина внутренней истории самой Центрально-Азиатской экспедиции, так непохожей на историю внешнюю. Вот несколько примеров, которые можно почерпнуть из экспедиционных дневников Н.К.Рериха.

Из письма секретарю Рериха В.А.Шибяеву (Кашмир): «Забота совершенно необыкновенная. Даже лошади для похода указаны (здесь очень трудно найти хороших и цельных). Уже дан дом в Лехе (вернее, Лэ)»¹. Другое письмо: «Из-за Си-Шана сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину, и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные. Сколько зовов и знаний создано одною звездою. Небесные вехи настораживают и соединяют сердца. Те же звезды, те же знаки небесные наполняют сердца благоволением вне пространств и времен»². Кашгар-Куча: «Сегодня приняты важные решения, есть сообщения»³. Монголия, Урга: «Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е.И. напряженно стоит у притолоки и говорит: «Жду, как разрешит все тот, кто все разрешает». А тут и телеграмма!»⁴ Монголия: «Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проходе здесь Учителя (Махатмы) сорок лет тому назад <...> Двадцатого июля получены указания чрезвычайного значения.

---

¹ Рерих Н.К. Переписка с В.А.Шибяевым. – Личный архив П.Ф.Беликова, Эстония. Достояние семьи Беликовых.

² Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 203.

³ Рерих Н.К. Алтай–Гималаи. С. 169.

⁴ Там же. С. 249.

Трудновыполнимые, но приближающие следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе. На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с вашими событиями. К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч. (В.Кардашевский. – Л.Ш.) с мечом и кольцом. Конец июля. “Иду радостно в бой”. *Lapis Exillis* – Блуждающий Камень. Вчера буряты прочествовали нечто сумрачное. Именно: “Посылаю лучшие токи для счастливого решения дел”. Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету двадцатого августа. Отважимся пересечь Цайдам по новому пути¹. Тибет: «В другом месте экспедиция была в самом безвыходном положении. Можно было ждать чего-то необычного. В самый трудный момент пришло все разрешающее известие»².

Цитируемые записи относятся к очень важной особенности Центрально-Азиатской экспедиции: они напоминают о тех, с кем произошла памятная встреча около Дарджилинга в 1923 году. «Вы, может быть, спросите меня, – отмечал Рерих, – почему, говоря о Шамбале, я упоминаю Великих Махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия за недостатком осведомления оставались совершенно разделенными. Но, зная литературу о Великих Махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высокопочтительно видеть объединительные знаки этих понятий. И, наконец, понимать, как они близки в действительности»³.

Связь подлинных Великих Душ с Заповедной страной не оставляла у Рериха никаких сомнений. Вот запись в экспедиционном дневнике: «Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили Махатмы. Здесь была основанная Ими школа. В двух днях пути от Сагдзонга был один из ашрамов, недалеко от Брамапутры. Здесь останавливался Махатма, спеша по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка. В то время, когда в Европе спорят о существовании Махатм, когда индусы проникновенно молчаливы о Них, сколько людей в просторах Азии не только знают Махатм, не только видели Их, но и знают многие реальные случаи Их дел и появлений. Всегда жданные, неожиданно Махатмы творили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они появлялись. Если нужно, Они приходили незаметно, как обычные путники. Они не пишут на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымысел, когда в реальных формах запечатлены сведения о Махатмах.

---

¹ Рерих Н.К. Алтай–Гималаи. С. 249.

² Рерих Н.К. Бывальщина. – Личный архив П.Ф. Беликова.

³ Рерих Н.К. Сердце Азии. С. 90.

В спешке, в случайном любопытстве не узнаете даже простого химического опыта. Те, кто в бездельном наговоре касаются вопроса о Махатмах, разве они достигнут чего-либо? Разве их пустое любопытство будет удовлетворено? Сколько людей хотели бы получить письмо от Махатм, но разве оно изменило бы их жизнь? Оно вышло бы как минута изумления и смущения, а затем опять все вернулось бы к прежней рутине, без всякого следа.

Часто изумляются, отчего люди, знающие Махатм, так различны по своему общественному положению. Но отчего Бёме был сапожником? Неужели размер сознания измеряется лишь внешними отличиями? Дела Махатм и Их поручения ученикам рассказаны в литературе, которая совсем не так мала, как кажется не знающим ее. Эти дела касаются как внутреннего сознания, так и внешних событий мирового значения и проявляются тогда, когда нужно.

Ученые часто называют разговоры о Махатмах предрассудком. Это те ученые, которые Махатм не видели. Но Крукс или Оливер Лодж не станут так говорить. Вивекананда, всегда стоявший за рациональность наблюдений, знает Махатм <...> Они говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превратят жизнь в праздник. Все предлагаемое Ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверий и предрассудков. Разве ученики Махатм делаются изуверами, сектантами? Наоборот, они становятся особо жизненными людьми, побеждая в жизни и лишь ненадолго удаляясь в те далекие горы, чтобы омыться в излучениях праны. В самых темных местах Тибета знают о Махатмах. Знают много воспоминаний и легенд»¹.

Запись из другого экспедиционного дневника: «Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем, – вы знаете о Махатмах»².

Философия истории

Заповедная страна, по утверждению Рериха, имела точное географическое положение. «Некоторые указания, – отмечал он, – затемненные символами, указывают местоположение Шамбалы на Памире, в Туркестане и Гоби». Все эти места назывались потому, что около Шам-

---

¹ Рерих Н.К. Алтай–Гималаи. Рукопись. – Личный архив П.Ф. Беликова.

² Рерих Н.К. Сердце Азии. С. 122.

балы люди живут в юртах и занимаются скотоводством. «...Но не забудем, – продолжал Рерих, – что горные киргизы в местностях Куньлуны также живут в юртах и занимаются скотоводством»¹.

Куньлунь упоминался Рерихом не однажды в связи с теми ориентирами, которые имели отношение к Заповедной стране. Этот же хребет фигурировал и в рассказах алтайских староверов о хождениях в поисках Беловодья. Этот путь, географически расшифрованный Рерихом, был частью маршрута Центрально-Азиатской экспедиции.

«Географические указания места, – читаем мы в дневнике Рериха «Сердце Азии», – умышленно запутаны или произнесены неправильно. И даже в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям»². Но Гималаи огромный горный район, похожий на лабиринт. Рерих расставлял по нему свои особые ориентиры, которые также совпадали с маршрутом экспедиции.

На этом маршруте Николай Константинович должен был вместе с Еленой Ивановной провести одно важное историческое действие. Случай редчайший, проявляющий себя один раз в несколько веков. Речь идет о закладке магнитов. Любой процесс, согласно исторической концепции Живой Этики, начинается не с действия низшего, а с творчества Высшего и, в силу этого, имеет космический характер. В данном случае магниты должны были быть заложены в местах формирования и последующего расцвета новых культур. Сама процедура подтверждала, что культура сама по себе не развивается, а имеет толчок, инициированный высшей энергетикой, высшим разумом. Высшая космическая энергетика имеет свой ритм, который должен существовать в магните, или в определенном пространственном теле, соприкосновение с которым вносит в определенное пространство такой ритм, который обуславливает формирование нового вида культуры.

Рерихи несли с собой магнит, или «Сокровище Ангелов», – осколок метеорита с высокой космической энергетикой. Данное историческое, или, точнее, эволюционное, действие было самым важным на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Если внимательно проследить этот маршрут, можно предположить места закладки магнита. Вне всякого сомнения, эта закладка магнитов имела отношение к внутренней истории планеты, или к истории «помимо историков». Основываясь на энергетическом мировоззрении и новой системе познания космического мышления, создатели Живой Этики выступили как историки самого высшего уровня. Рерих был их учеником и сотрудником, и поэтому

---

¹ Рерих Н.К. Сердце Азии. С. 129.

² Там же. С. 110.

все его творчество, в том числе и научное, пронизано идеями реального Космоса, или Живой Этики. Замалчивание этого обстоятельства, что, к сожалению, происходит и до сих пор, не только искажает взгляды Рериха как одного из выдающихся историков нашей планеты, но и крайне замедляет дальнейшее развитие истории как науки, где внешний и внутренний потоки должны слиться в синтезе, который и сформирует новые, еще неизвестные подходы к осмыслению исторического процесса.

Н.К.Рерих первый обосновал реальную философию истории. Сколько времени потребуется, чтобы эта философия вошла в научный оборот и стала основой новой исторической науки, сказать трудно. «И чтобы быть людьми в истинном значении этого слова, – писал Рерих, – мы должны развить в себе такое понимание глобальности всех событий, которое бы отражало суть и основу всей Вселенной»¹.

Создатели Живой Этики являются истинными материалистами, но их осмысление этого понятия гораздо шире традиционного восприятия, которое мы видим в современной эмпирической науке. «Нужно до такой степени обосновать материализм, – пишет один из Учителей, – чтоб все научные достижения современности могли войти конструктивно в понятие материализма одухотворенного.

Мы говорили о тонких телах, о магнитах, о свечении ауры, об излучении каждого предмета, о перемещении чувствительности, об изменении весомости, о проникновении одного слоя материи через другой, о посылаках мысли через пространство, о явлении цементирования пространства, о чувстве центров, о понимании слова *материя*. Много невидимого, но осязаемого аппаратами нужно вместить тем, кто хочет приложить технику в жизнь. Нужно заменить идеальные слюни твердым разумом.

Мы – Носители Духа – имеем право требовать уважения и познания материи»².

Эти слова – не только ключ к пониманию сути самих Великих Душ, но и помогают осмыслить тот комплекс знаний и информации, которые содержатся в книгах Живой Этики. «Человек является источником знания и самым мощным претворителем космических сил»³, – утверждается в Живой Этике. Человек – часть космической энергии, часть стихий, часть разума, часть высшей материи.

Основу исторических взглядов Рериха, выработанных с помощью концепции Живой Этики, составляло методологическое положение об историческом процессе как космическом явлении. На последнем базировалась и новая философия истории. И эта философия была запечат-

---

¹ Мантатов В.В. Великий гуманист // Наука в СССР. 1986. № 2. С. 101.

² Община. 1926 (Рига), 123.

³ Мир Огненный. Ч. III, 306.

лена не только словесно или в определенных исторических действиях, но и в художественных образах на полотнах великого художника и выдающегося историка. Космическую философию истории Рерих сформулировал кратко: «Лучшие умы, – писал он, – обращаются к факторам взаимодействия космических сил с судьбами земных народов»¹.

Осмыслить, что такое исторический процесс во всем его многообразии и богатстве, значит понять и правильно оценить закономерности и особенности развития человечества в прошлом, познать цели этого развития в настоящем и осознать направления будущего.

Рерих сумел выделить основные моменты истории человечества, такие, как переселение народов, в котором он уловил ритм космической эволюции. Он увидел в этих передвижениях бурный энергетический обмен, созидание новой энергии, необходимой для дальнейшего восхождения. Древние земледельческие цивилизации умирали, израсходовав свою энергию. Динамичный кочевой мир принес новую свежую кровь, необходимые для эволюции силы. Нечто подобное происходило и в XX веке, когда сдвинулись с насиженных мест, используя современные средства коммуникаций, массы народа в бессознательной жажде усиленного энергообмена, необходимого для дальнейшего эволюционного развития.

Если космическая эволюция, бесконечная в пространстве Беспредельности, представляет собой бушующий, меняющийся океан энергий, то исторический процесс имеет начало и конец, ограниченный видом и состоянием материи, в рамках которой он происходит. Концепция исторического процесса как космического явления дает нам возможность объяснить «закладывание магнитов», в котором участвовали Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи.

Закладывание магнитов не есть особенность только XX века. На нашей планете такие действия производились регулярно и определяли формирование земного исторического процесса. Магниты закладывали в преддверии переломных моментов эволюции и истории человечества. «Магнит или остается невидимым, притягивая течение событий; или служит центром сознательного действия; или озаряет нашедшего его человека.

Можно видеть в истории человечества, как сеть магнитов подобно путеводным огням вспыхивала.

Как же работает магнит? Он претворяет идеи пространства в действие»². Вот это претворение «идей пространства в действие» и наполняет сам исторический процесс космическим содержанием.

---

¹ Рерих Н.К. Держава Света. Soubhury, 1931. С. 80.

² Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. Ч. 3, II, 7.

Пользуясь новой методологией исторического процесса, Рерих сделал немало художественных и научных сюжетов, которые прояснили сложные исторические проблемы и сделали эти проблемы не только теоретическими, но и практическими. Последнее несло в себе историческую действенность, которую требовали от истинного историка Учителя. Понимая, какие космо-энергетические явления лежат в основе исторического процесса, Рерих находил правильные пути решения практических проблем, многие из которых были нацелены в будущее. Его увлекал в значительной мере именно внутренний исторический процесс, его духовная наполненность, причинная суть. Будущее было критерием исторических действий.

Рерих не только мыслил о будущем, но и ощущал и предвидел в самом историческом процессе те моменты, которые укрепляют будущее. Эти моменты он видел в прошлом и обращал на них главное внимание. Он как бы выбирал из прошлого те «кирпичики», которые можно заложить в будущее строение. Эта удивительная и необычная способность сделала из Н.К.Рериха выдающегося и уникального историка.

Занимаясь проблемой роли личности в истории, он подходил к ней совсем по-иному, нежели традиционные историки. Среди исторических личностей выбирал и отличал тех, чья деятельность и творчество опережали свое время и результаты исследований которых продолжали действовать и в будущем. Эти личности не всегда принимали в расчет социально-экономическую обстановку. Они действовали как бы «поверх» этой обстановки, и их вела не земные обстоятельства, а нечто другое, связанное с тем, что не было ясно окружающим.

Среди этих личностей Рерих отметил преподобного Сергия Радонежского, индийского императора Акбара, французскую героиню Жанну д'Арк, чьи исторические роли влияли не только на современность, но и продолжали действовать во времени, когда их уже не было. Рерих уделил значительное внимание роли сознания в историческом процессе, от уровня которого зависели многие события прошлого и настоящего. Опыт прошлого свидетельствовал, что многие исторические события могли бы развиваться по-иному и иметь другой результат, если бы сознание участников этих событий было готово к тем целям, которые стояли перед определенными движениями, революциями, социальными взрывами. «...Многое требует, – читаем мы в Живой Этике, – подготовки сознания, которое совершается длительно. Поэтому Мы так приучаем к терпению и бережности»¹.

Рерих немало сделал для того, чтобы разъяснить ошибочность позиции традиционного европоцентризма, который принижал значение

---

¹ Мир Огненный. Ч. II, 466.

истории и культуры Востока. В своих работах, и научных и художественных, он проводил мысль о том, что культура и история Востока оказывали огромное влияние на мировую культуру и что последняя была бы совершенно другой, обедненной, если бы не такое влияние. Николай Константинович не писал объемных монографий, связанных с его историческими исследованиями. Это были экспедиционные дневники, очерки и художественно оформленные размышления. Он писал точно и кратко, некоторые его высказывания стоят целых монографий, ибо они всегда подкреплены убедительными научными аргументами. Это не только историческая литература, но и уникальные исторические источники. Особо ценными работами являются те, где он анализирует проблемы космической энергетики и ее влияния на формирование земного исторического процесса. Можно сказать, что Рерих заложил основы новой методологии исторического процесса, который составил важнейшую веху нового космического мышления.

Исторические пророчества

Внутриисторическое духовное пространство служит источником прогнозов на будущее. Если мы внимательно просмотрим труды Рериха, то найдем в них немало пророчеств общего и частного характера. Ни Рерих, ни его Учителя не занимались разведывательной работой, но за довольно долгое время они знали дату нападения Германии на Советский Союз: в одном из очерков Рериха она присутствует. Целая серия пророческих картин была создана художником незадолго до Второй мировой войны.

В 1936 году он пишет картину «Армагеддон»: объятые пламенем башни и стены старинного города. Красно-оранжевые клубы дыма плывут над людьми, уходящими из этого раскаленного ада. Их фигуры, похожие на черные скорбные тени, резко выделяются на фоне бушующего пожара. Идут старики, опирающиеся на палки, женщины несут жалкий скарб, бредут полуослепшие дети. Картина как бы безмолвно кричала. Художник повторил этот сюжет в 1940 и 1941 годах. К сожалению, «Армагеддон» Рериха стал страшной реальностью Второй мировой войны. «Планета больна!»¹ – писал художник. Он хорошо понимал, какая опасность грозит его Родине, которую он любил и верен которой оставался во время своих зарубежных путешествий.

В 1936 году Рерих писал: «Защита Родины есть и оборона культуры <...>

---

¹ Рерих Н. Листы дневника. М., 1995. Т. 2. С. 297.

Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах – мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но и в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях»¹.

В 1938 году Рерих создал картины «Тревога» и «Тьма». В начале 1939-го – появились «Затмение», «Печаль», «Башня ужаса». Рерих пишет свою «Тревогу» несколько раз – в 1938, 1939, 1940 годах. Тревога, тревога, тревога охватывает его. Начавшаяся война окончательно отрезала от Родины. «Сейчас мы как на острове, – пишет он. – С каждым днем отрезанность все возрастает. Еще год назад была переписка, была осведомленность, а теперь все как вихрем сдуло»².

Катастрофа надвигалась на весь мир, но самая жестокая судьба была уготована России. Тема России, отесняя Гималаи, начинает набирать силу на полотнах художника. Возникают «Древний Новгород» и «Древний Псков», темнеют рубленые стены «Сергиевой пустыни», «Радовашеся Ярослав граду Киеву». Поднимается над клубящимися облаками, достигая шлемом снежных вершин, «Святогор».

Время неумолимо приближало роковую дату. Рерих назвал 1940 год «со-роковым». Приставка «со» распространила слово «роковой» и на следующий, 1941-ый. Он пишет очерк «Не замай!»: «Пройдя историю русскую до самых последних времен, можно было еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встает ярко»³. Очерк завершают знаменательные слова, в которых была не только вера в то, что Родина выстоит в беде, но и знание того, что ей предстоит.

В 1940 году Рерих пишет картину-предупреждение – «Весть Тирону», которая имела прямое отношение к России и идущей в мире войне. Художник напоминал о Федоре Тироне, одном из ранних христиан, жившем во времена императора Диоклетиана, известного своими гонениями на христиан. Тирона предупреждали о грозившей ему беде,

---

¹ Рерих Н.К. Нерушимое. Рига, 1991. С. 212–213.

² Рерих Н.К. Россия. М., 1992. С. 48.

³ Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 196.

но он не внял вести, был с единомышленниками схвачен и замучен римскими легионерами. Это нежелание верить в очевидное, сыгравшее роковую роль, повторилось и в истории XX века.

Картины Мастера производили на зрителей странное и загадочное впечатление. Но когда война закончилась, стало ясно, что Рерих писал ее историю, слагавшуюся на кровавых полях сражений в России. Поднимаются из глубины пещеры закованные в латы воины – «Богатыри проснулись». По снежному ледовому полю едет на вороном коне в красном плаще «Александр Невский». Зловеще чернеют на голубом снегу латы поверженных немецких рыцарей. Но в фигуре Александра Невского нет самолюбивой гордости победителя. Князь серьезен и печален. Он скорбит о тех, кто пал под его знаменами. Потери велики.

В июле 1940 года Рерих записал: «Лежит передо мною “Слово о полку Игореве”, отлично украшенное палехским мастером. Само “Слово” как бы горестное, но оно лишь напоминает, как из беды встанет народ и неустанно начнет строение»¹.

«Конечно, малы земные горизонты, – писал он. – Величайшее космическое событие дойдет к нам через тысячи лет»². Он умел выходить на «малые земные горизонты» и видеть и ощущать, как сжимаются и ускоряются космические сроки. Его расширенному сознанию было доступно то, чего не могли воспринять люди с обычным сознанием.

Наступало грозное и беспощадное время. Оно ложилось на его плечи горьким и тяжелым бременем Знания. «Прошел со-роковой год, труден и наступающий. Пошлем всем друзьям привет на трудных дорогах»³, – писал он 1 января 1941 года.

К весне 1941 напряжение усилилось. «Вероятно, сгущаются опять события, – отмечал Рерих, – и люди, как заклинания, твердят о том понятии, где нет убийства. Не сегодня так завтра услышим тяжелый войсковой шаг. Может быть, он уже гремит. Радио у нас нет»⁴. Шел март 1941 года. Радио у Рерихов действительно не было, но через иные каналы они осведомлены о том, что Родина к войне не готова и никаким предупреждениям о нападении Германии не верит. Весну 1941-го он назвал «Особой весной». Картины этого года связаны с наступающими событиями. Полуобнаженный человек вздымает молот над наковальней – «Ковка меча». На фоне кроваво-багрового неба защитник «Гесэрхан» натягивает лук. Сейчас сорвется стрела. Зловещая красная комета, предвестница бед и несчастий, прорезает темный небосвод.

---

¹ Рерих Н.К. Из литературного наследия. С. 199.

² Рерих Н.К. Россия. С. 55.

³ Рерих Н.К. Полотна жизни. – Личный архив П.Ф. Беликова.

⁴ Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. М., 1994. С. 20–21.

Как последний отчаянный шаг, Рерих пишет полотно «Слепой». Слепой мечется среди домов, не понимая, что происходит. Над городом стоит зарево пожара. Сейчас огонь перебросится на те дома, около которых он оказался. Вокруг никого нет. Человек протягивает руки и встречает пустоту. Уже сыпятся искры на освещенные ближним пламенем дома. И недоуменно глядит Тирон на стрелу со знаком войны. Тревога, тревога, тревога. Набат гудит совсем близко. Но слепой не может прозреть, а Тирон не хочет верить стреле-предупреждению...

«Свет Утренней звезды»

Вскоре после Центрально-Азиатской экспедиции Рерих вместе с семьей совершил второе историческое действие, непосредственно связанное с формированием нового космического мышления. Мысли о новой науке, которые мы находим в Живой Этике, в 1928 году обрели форму Института Гималайских исследований, названного «Урусвати», что по-русски означает «Свет Утренней звезды».

«Знание превыше всего, – сказано в одной из книг Живой Этики. – Каждый, кто принес частицу знания, уже есть благодетель человечества. Каждый собравший искры знания будет подателем Света. Научимся оберегать каждый шаг научного познания. Пренебрежение к науке есть погружение во тьму»¹.

«Урусвати» был первым драгоценным зерном той новой науки, о которой писала Живая Этика и говорили Учителя. Воплощая их идеи в жизнь, Рерихи ясно представляли себе, для чего и во имя чего все это делается. Космическое мышление, новая система познания – все это составляло единое целое, новый виток космической эволюции. Местом для института была выбрана долина Кулу в индийских Гималаях. «Место института, – отмечал Рерих, – в древней долине Кулу, или Кулуте, тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные и исторические события связаны с этими нагорьями. Тут проходил Будда и в свое время процветали десятки буддийских монастырей. Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещера Арджуны; здесь собирал «Махабхарату» риши Виаса. Здесь и Виасакунд – место исполнения желаний»².

В древности для строительства храма опытный и знающий жрец, умевший хорошо ориентироваться в тонкой энергетике, выбирал особое место. Как правило, место для храма бывает красивым. Исключи-

---

¹ Аум, 440.

² Рерих Н.К. Урусвати. М., 1993. С. 3–4.

тельно красива и долина Кулу. «Когда вы видите минеральные краски гор, когда исследуете огромные гейзеры, полные различных минеральных солей, когда вы видите все типы горячих источников, вы понимаете характер изобилия этой части мира, которая еще не тронута и являлась свидетельницей столь многих космических катаклизмов. Это и есть такое место. Это уникальное место для многих научных исследований. Здесь вы чувствуете праздник знаний и красоты»¹, – писал Рерих. И еще: «Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то, действительно, можно понять, почему Гималаи имеют прозвище «несравненных». Сколько незапамятных знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами. Попробуем мысленно сообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом, прежде всего, будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих пламенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для этих вершинных подвигов требуется окружающее великолепие, а что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием»².

Долина Кулу и примыкающие к ней горные районы были источником самых разнообразных знаний. «Было отмечено, – писал Рерих, – что электрические и магнитные явления особенно выражены на этих высотах. Последние обеспечивают исключительные возможности для изучения особых токов, и можно представить, какие новые исследования могли быть проведены здесь нашим великим физиком Милликаном в продолжение его недавних чудесных открытий. Замечательно, как вся собранная информация увеличивает важность этих мест, где плодородие почвы сочетается с необычным феноменом высот и историческим героическим прошлым»³. Гималаи открывали богатые возможности для изысканий в ботанике, зоологии, археологии, лингвистике, традиционной медицине и ряде других, самых неожиданных направлений науки.

---

¹ Рерих Н.К. Урусвати. С. 57–58.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 59.

Институт развернул работу в 30-е годы XX века. Вначале основу его деятельности составляли коллекции и материалы, собранные во время Центрально-Азиатской экспедиции. Методы новой науки, упомянутые в Живой Этике, нашли воплощение в его исследованиях.

Рассматривая знания как нечто синтетическое, не разбитое на различные области, Рерихи отразили эту идею в структуре института. Были открыты отделы – археологический, естественных наук, медицины, научная библиотека, музей для хранения экспедиционных находок. При археологическом отделе существовали секции общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии. Отдел естественных наук занимался ботаникой и зоологией, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, изучением космических лучей в высокогорных условиях. В медицинском отделе, наряду с изучением древнетибетской медицины и фармакопеи, была организована биохимическая лаборатория, в которой изучали средства борьбы против рака. Вся семья Рерихов участвовала в организации и работе института. Николай Константинович был основателем и идеологом «Света Утренней звезды». Елена Ивановна, являясь президентом института, была, по сути, ведущей в различных областях его научной деятельности. Директором стал Юрий Николаевич, старший сын Рерихов. К тому времени Юрий Николаевич был уже известным ученым, обладавшим широким космическим мировоззрением; он вложил немало плодотворных идей в творческую деятельность института. Младший сын Рерихов, Святослав Николаевич, был не только художником и знатоком древнего искусства, но и прекрасным ботаником и орнитологом. Разносторонность знаний и занятий каждого члена семьи при их слаженном сотрудничестве и неутомимой энергии способствовали успеху и широкому признанию Института «Урусвати» как в Индии, так и далеко за ее пределами.

Ученых из разных стран привлекали в институте «Урусвати» не только уникальный район Гималаев, но и способы научных исследований, в основе которых лежала методология новой системы познания. Характерной особенностью работы «Света Утренней звезды» была «постоянная подвижность, регулярные экспедиции, в которых участвовали сотрудники и корреспонденты»¹ института. «Нужно то, – писал по этому поводу Н.К.Рерих, – что индусы так сердечно и знаменательно называют “ашрам”. Это – средоточие. Но умственное питание “ашрама” добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданно путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники “ашрама” тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные

---

¹ Рерих Н.К. Урусвати. С. 74.

стороны и пополняют свои внутренние запасы <...> Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся непременным условием каждого преуспевания. При этом люди научаются и расширять пределы своей специальности. Странник многое видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познанием широким»¹.

Нужно, писал Рерих, «и взглянуть высоко наверх, и глубоко проникнуть внутрь»². Речь идет о расширении пространства познания, в котором сплетены воедино небесное и земное и где верх и глубь составляют важнейшие направления исследований. В «Урусвати» методы эмпирической науки сочетались с метанаучными. Нравственные и этические моменты при этом имели важнейшее значение. Сами основатели института были высокодуховными и нравственными людьми, несущими в себе новое космическое мироощущение. Духовные знания, накопленные в Гималаях, получали экспериментальное подтверждение. Именно в «Урусвати» начинали научно познавать тонкие энергии, магнитные токи, космические лучи, иные состояния материи. Идея, что причина многих земных явлений лежит в Космосе и мирах более высокого состояния материи, пронизывала научные концепции института, открывала перед сотрудниками беспредельность научных исследований, выводила науку на широкий простор новых достижений.

Энергетическое мировоззрение нового космического мышления было реальной основой в исследованиях ученых «Урусвати». В работах института немалое место занимали проблемы человеческого сознания, психической энергии, а также влияния энергии самого человека на научные эксперименты. Все это формировало иные подходы к лабораторным исследованиям.

Комплексные экспедиции «Урусвати» прошли по древней долине Кулу, Лахулю, Бешару, Кангре, Ладаку, Занскару. Состоялась крупная Маньчжурская экспедиция (1934–1935). Музей института пополнился богатейшими коллекциями: ботаническими, орнитологическими, геологическими, археологическими. Были собраны ценнейшие образцы гималайского фольклора. Увидели свет три солидных тома трудов института и научные работы его сотрудников, построены здания, приобретено и вступило в строй лабораторное оборудование, значительно пополнилась библиотека. Первые успехи работы института позволили Рерихам увидеть и разработать перспективу его развития.

---

¹ Рерих Н.К. Урусвати. С. 74.

² Там же. С. 75.

«Станция (институт «Урусвати». – Л.Ш.) должна развиваться в город Знания, – отмечала Е.И.Рерих. – Мы желаем в этом городе дать синтез научных достижений. Потому все отрасли науки должны быть впоследствии представлены в нем. И так как знание имеет своим источником весь Космос, то участники научной станции должны принадлежать всему миру, то есть всем национальностям; и как Космос неделим в своих функциях, так и ученые всего мира должны быть неделимы в своих достижениях, иначе говоря, объединены в теснейшем сотрудничестве. Место станции избрано совершенно сознательно и обдуманно, ибо Гималаи представляют неисчислимые возможности во всех отношениях. Внимание научного мира сейчас обращено на эти высоты. Изучение новых космических лучей, дающих человечеству новые ценнейшие энергии, возможно только на высотах, ибо все тонкое, самое ценное лежит в более чистых слоях атмосферы»¹. Рерихами было задумано новое грандиозное дело – город Знания, который должен был стать мировым катализатором новой науки космического мышления.

Но задуманному не суждено было сбыться. Исторические события сложились так, что не только не возник столь желанный для науки город Знания, но и его первый плод – Институт Гималайских исследований был лишен возможности дальнейшего развития. «Вдруг загрохотали американские финансовые кризисы, – с горечью писал Н.К.Рерих. – Зашумело европейское смущение. Пресеклись средства. Одними картинками не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям <...> все есть, а денег нет»².

Вторая мировая война оборвала связи института с внешним миром. «Сперва мы оказались отрезаны от Вены, – отмечал Николай Константинович, – затем от Праги. Отсеклась Варшава <...> Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк <...> Швей-

---

¹ Письма Елены Рерих. Минск, 1992. Т. 1. С. 60.

² Рерих Н.К. Урусвати. С. 77.

цария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали. Кто жив, а кто уже перекочевал в лучший мир?»¹

Институт пришлось законсервировать. Коллекции уложили в ящики, лабораторное оборудование размонтировали, жилые помещения, в которых останавливались приезжающие ученые, закрыли. Институт, казалось, перестал существовать. В 1947 году умер Николай Константинович, в 1955 ушла из жизни Елена Ивановна. В 1957 году уехал в Советский Союз Юрий Николаевич и там же в 1960 году неожиданно скончался. Остался один Святослав Николаевич. Он сделал немало усилий, чтобы восстановить институт. Его обращения к Советскому Союзу не принесли результатов. В 1993 году, уже после смерти Святослава Николаевича, в Кулу был создан Международный Мемориальный трест Рерихов. Трест сделал в Кулу немало для увековечения памяти Рерихов, но «Урусвати» до сих пор ждет своей очереди.

Пакт Рериха

Третьим важным историческим действием Н.К.Рериха был Пакт о защите культурных и исторических ценностей во время войны и в мирное время, получивший название Пакт Рериха. Николай Константинович осознавал острую необходимость подобного документа еще до Первой мировой войны. Его подход к культуре и истории культуры значительно отличался от тех, которые существовали в то время, да и существуют теперь.

Рерих так определял Культуру (с прописной буквы): «Культура есть почитание Света, Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце. Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной Красоты»².

Философ Серебряного века Н.А.Бердяев отметил главные особенности культуры. «Древнейшая из культур – культура Египта, – писал он, – началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знания и подвиги иной, духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура)

---

¹ Рерих Н.К. Урусвати. С. 78.

² Рерих Н. Твердыня Пламенная. С. 93.

есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями»¹.

Оба эти фрагмента, в которых мы находим суть истинной культуры, определяемой Н.К.Рерихом как «оружие Света» и «синтез действительного Блага», а Бердяевым как «знания и подобия иной, духовной действительности», свидетельствуют о связи ее с более высоким состоянием материи и ее измерениями. Эта связь, идущая через внутренний мир человека, обуславливает истинное творчество в пространстве Культуры, то творчество, которое носит, вне всякого сомнения, эволюционный характер. В Живой Этике убедительно доказано, что именно Культура является одним из важнейших устоев эволюции человечества. Эта идея пронизывала все творчество Рериха, художественное, научное и философское.

Н.К.Рерих, вопреки многим культурологам, отделил культуру от цивилизации, доказав, что культура есть творчество духа, а цивилизация представляет материю человеческого обустройства. Культура – вечна, цивилизация – преходяща. Подмена одного другим является методологической ошибкой. «Многозначительно приходится повторять понятие о Culture и цивилизации, – писал Рерих. – К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова «культура» цивилизацией. При этом совершенно упускается, что сам латинский корень «культ» имеет очень глубокое духовное значение, тогда как «цивилизация» в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни»².

Называя Culture «Садом Прекрасным», Рерих ставил в ней на первое место Красоту как энергетический закон гармонии духа. «Осознание Красоты спасет мир», – повторил он с небольшой поправкой слова Достоевского. В этой формуле заключен практически весь смысл Космической эволюции, которая идет от хаоса к порядку, от простого к сложному, от элементарной системы к Красоте. Красота как категория духа утончает материю жизни и энергетику человека. Созерцание Красоты формирует в человеке философское и утонченное мировосприятие.

Рерих обращает наше внимание на то, что во взаимодействии Culture и цивилизации приоритет должен принадлежать Culture, что избавит цивилизацию от многих искажений, ей свойственных. «Будем помнить завет Света, – писал он, – что, прежде всего, самое важное для

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 166.

² Рерих Н. Твердыня Пламенная. С. 4.

нас будет дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте – богатство»¹. В энергетически цельной структуре, управляемой Великими законами Космоса, пульсируют дух и материя и, стремясь к сужденному им эволюцией синтезу, то приближаются, то удаляются от него. Поэтому возникают то эпохи расцвета Культуры, и цивилизация становится культурной, то берет верх материальная цивилизация, и Культура отходит на второй план, подчас будучи не в состоянии влиять на цивилизацию.

Вникая в эволюционную суть Культуры, Рерих, как историк и мыслитель, хорошо понимал, что Культуру необходимо не только развивать, но и защищать, и защищать не только во время войны, но и в мирное время, в которое шли, по его выражению, «тихие погромы». Пожалуй, в дореволюционное время никто так много не сделал для защиты российской культуры и приведения национального культурного достояния в порядок, как Рерих. Идея каталогизации памятников археологии и архитектуры принадлежала ему. Он предложил составить карту археологических мест и организовывать археологические музеи под открытым небом, где научно будут осмыслены раскопы и показаны археологические памятники. Рерих требовал принять меры против разграбления мародерами археологических мест. Он был одним из первых, кто осуждал неграмотную реставрацию памятников культуры и истории, приводящую к их порче. Он спасал старинные иконы, доказывая, что иконопись есть уникальное художественное наследие России. Призывал государство участвовать в защите памятников истории и культуры. Считал необходимым просвещать в этом отношении общественность и привлекать ее к благородному делу защиты исторического и художественного наследия страны, беречь его от «тихих погромов».

«Не знающий прошлого не может думать о будущем. Народ должен знать свою историю, запечатленную в памятниках старины. Народ должен владеть всеми лучшими достижениями прошлых эпох. Мы должны с великим попечением изыскивать еще не тронутые варварскою рукою древности и дать им значение, давно заслуженное»². Без прошлого нет будущего – мысль, имевшая для Рериха-историка концептуальный характер. Памятники культуры и истории он рассматривал не только как музейные редкости, но и как реальные ступени к будущему. Позже он разовьет эту идею и скажет о тонкой, необходимой для развития культуры энергетике, аккумулированной в таких памятниках и реликвиях. Рерих писал письма в различные организации, свя-

---

¹ Рерих Н.К. Держава Света. С. 88.

² Рерих Н.К. Берегите старину. М., 1993. С. 32.

занные с памятниками старины, публиковал очерки о необходимости сохранения памятников культуры, предлагал создать общественные ассоциации для защиты исторических памятников. «...Мы, как бы почетная стража, будем охранять ростки Света»¹. Он назвал таких охранителей «воинами культуры».

Накануне Первой мировой войны Рерих заговорил о Пакте, защищающем памятники культуры во время войны. Он обратился с этим предложением в правительство России, но его не услышали. К идее Пакта ученый вернулся в 1929 году. В 1931 году в бельгийском городе Брюгге состоялся первый конгресс по Пакту Рериха. В ряде стран началось серьезное движение за его принятие на государственном уровне.

«Мы оплакиваем библиотеку Лувена, – с болью писал в 1930 году Николай Константинович, – и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множества сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений. Но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто – “Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою”. Но все же пагубные заблуждения в той или иной форме могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут быть опять разрушены»².

В 30-е годы XX века в СССР шла «культурная революция», во время которой были разрушены ценнейшие памятники истории и культуры. Уничтожение Храма Христа Спасителя в Москве вызвало у Рериха самую негативную реакцию: «Власть имущие! Скажите твердо и решительно, что подобные разрушения недопустимы <...> Власть имущие! Скажите еще и еще громче о том, что разрушение культурных сокровищ недопустимо и навсегда оставит на позорном месте разрушителя»³. Но власти его Родины молчали, не обращая внимания ни на его призывы, ни на Международный Пакт защиты культурных ценностей, который они тогда отказались подписать.

В 1935 году Пакт Рериха был подписан президентом США Ф.Рузвельтом и представителями 21 государства американского континента. В 1954 году была принята Гагская конвенция ООН, основой которой стал Пакт Рериха по защите памятников культуры и истории. Конвенцию подписали многие страны, в том числе и СССР.

Символом Пакта Рериха стало Знамя Мира. Три малых круга в большом, знаменующие единство прошлого, настоящего и будущего в пространстве Вечности и символизирующие космический Закон культурной преемственности.

---

¹ Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М., 1994. С. 45.

² Знамя Мира. М., 1995. С. 103.

³ Там же. С. 141.

Подводя итоги своей жизни, Рерих пришел к выводу, что все порученное ему выполнено. Оставалось лишь одно – то, что он и его семья наработали, предоставить в распоряжение Родины. Он отправил советскому правительству заявление с просьбой предоставить ему визу для возвращения на Родину. Ожидание было долгим и безнадежным. В визе ему и его семье было отказано...

Великих Мудрецов в Индии называли Махариши или Махатмами – Великими Душами. На памятном камне на месте кремации Рериха в гималайской долине Кулу высечено: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Вихрам эры, что соответствует 15 декабря 1947 года. Ом Рам».

На мольберте осталась незаконченная картина, называющаяся «Приказ Учителя» (или «Завет Учителя»). Над узким каньоном, стиснутым синими скалами, от снежных сверкающих вершин летит белый орел. Он приближается к человеку, сидящему на темном уступе...